

РУССКИЙ АПОКАЛИПСИС

Арте́м Ми́чурин

ЕДА И ПАТРОНЫ

Артем Мичурин
Еда и патроны
Серия «Еда и патроны», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=571215
Еда и патроны. Ренегаат: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-53769-3

Аннотация

К 2012 году США нарастили самый мощный ракетно-ядерный потенциал в мире. Тысячи ракет были нацелены на Россию. Мощнейшая спутниковая группировка должна была обеспечить точность наведения боеголовок и предотвратить ответный удар. Специалисты НАТО утверждали, что стратегические силы Российской Федерации не продержатся дольше часа. Но западные стратеги не учли один немаловажный фактор: если Ад спустить с цепи, он поглотит всю Землю. Так и случилось...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	29
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Артем Мичурин

Еда и патроны

К две тысячи двенадцатому году Соединенные Штаты Америки нарастили ядерный потенциал до тысячи девятисот ракет дальнего радиуса действия, несущих в общей сложности свыше семи тысяч боеголовок. Орбитальная группировка США насчитывала порядка шестисот военных спутников и так называемых спутников «двойного назначения». Флот ракетонесущих субмарин был полностью переоснащен новейшими баллистическими ракетами Trident II D5A. Пятьсот девятое авиакрыло, дислоцированное на базе «Вайтмен», расширено до тридцати восьми стратегических бомбардировщиков-невидимок В-2, прошедших глубокую модернизацию. Крылатые ракеты с дальностью до пяти тысяч километров, оснащенные как обычными боеголовками, так и ядерными боеголовками сверхмалой мощности, размещены в Прибалтике, Польше, Украине, Турции, Грузии, Афганистане и на Аляске. Их насчитывалось около сорока тысяч единиц. Был завершен ввод в эксплуатацию четырехрубежной системы ПРО, способной ликвидировать до пятисот атакующих целей, идущих одной волной.

На боевом дежурстве у Российской Федерации осталось в общей сложности триста семь ракет, способных доставить ядерные заряды на территорию США.

Двадцать третьего июня две тысячи двенадцатого года военно-политическое руководство Соединенных Штатов Америки, основываясь на представленных аналитиками Пентагона выводах, приняло решение о нанесении «упреждающего» ракетно-бомбового удара по территории Российской Федерации.

Все аналитические расчеты говорили о том, что ядерный потенциал России будет уничтожен на девяносто, а то и девяносто семь процентов первой же атакой. «Воеводы» и «Тополя» сгорят в своих шахтах. Уцелевшие ракеты перехватит система ПРО. Передвижные комплексы ликвидирует авиация. Немногочисленные подводные и надводные ракетные крейсера упокоятся на дне портов или будут потоплены в рейде неотступно следующими натовскими субмаринами. Стратегические бомбардировщики умрут на взлетной полосе, так и не успев разогреть двигатели. Система ПВО, и без того дырявая, перестанет существовать в первые двадцать минут. Ответный удар не мог состояться.

Механизм полного и, как казалось, окончательного уничтожения России был рассчитан, спланирован, подготовлен и запущен. Многое осуществилось в соответствии с планом, очень многое. Но кое в чем, в сущей ерунде, западные аналитики просчитались, и этой малости с лихвой хватило, чтобы на практике подтвердить теорию «гарантированного взаимного уничтожения».

Глава 1

Стас сидел в тени огромной липы и сосредоточенно водил тряпкой по ствольной коробке автомата. Рядом на брезенте были аккуратно разложены другие составные части «АК», уже почищенные и смазанные. На небе вовсю сияло полуденное солнце, и его лучи, пробиваясь сквозь редяющую крону старого дерева, отражались от гладкой оксидированной стали. Ветошь, пропитанная смазкой, легко скользила по холодной поверхности механизма, заботливо обволакивая его тонкой блестящей пленкой. Это была не просто чистка, это был настоящий ритуал, очень важный и ответственный, оттого и неспешный. Было в нем что-то личное и сокровенное, почти интимное.

Закончив сие таинство, Стас поднял деталь, блестящую от смазки, и глянул через канал ствола на чистое сентябрьское небо. Довольный увиденным, он хмыкнул, вытер руки о траву, с хрустом размял пальцы, и составные части, разложенные на брезенте, шелкая и позвякивая, начали быстро превращаться в единый слаженный механизм «АК-103».

Прислонив автомат к дереву, Стас вылил из стальной кружки остатки чая в затухающий костерок, собрал с земли свои пожитки и свернул брезент. Упаковав нехитрый скарб в рюкзак и закинув его за спину, он повесил начищенное оружие на шею, постоял пару секунд, раздумывая, передернул затвор и уверенно зашагал вдоль опушки леса туда, где, по его расчетам, должно было находиться ближайшее селение.

Если верить карте, до форта с героическим названием Кутузовский было еще часа четыре ходьбы. Стас шагал быстро, ему совсем не хотелось задерживаться дотемна под открытым небом. Здешние леса были не самыми безопасными. Минувшей ночью, отстреливаясь от собак, ему уже пришлось потратить восемь автоматных патронов, а это дорого. В фортах за ночлег обычно брали пять, а если повезет, то четыре «семерки». Стас шел и прикидывал в уме, что на восемь «семерок» он вполне мог бы позволить себе комнату с ванной и весьма приличный ужин, возможно, даже под пиво. Дорога от Красного до Кутузовского уже обошлась ему в одиннадцать патронов. Судя по всему, придется эти издержки включить в плату за предстоящее дельце. Спустя час Стас дошел до насыпи, сверился с картой и решил продолжить путь вдоль этих останков умершей цивилизации.

Потрепанная старая карта, сложенная вчетверо, была сплошь испещрена всевозможными пометками, неразборчивыми записями и понятными только Стасу условными обозначениями, нанесенными карандашом поверх типографской печати. Под черной полосой, пересекающей карту с запада на восток и немного забирающей севернее, красовалась надпись: «Горьковская железная дорога». Сверху и снизу от полосы теснились названия деревень, поселков, городов... Их было так много, что если слегка прищурить глаза, толстая черная линия начинала сливаться с множеством мелких буковок в одну широкую серую полосу. Но эти названия были нанесены не карандашом, а значит, не имели смысла. Стаса интересовали не они, а карандашный крест, где-то между типографскими «Кондаково» и «Просиницы».

Насыпь тянулась так далеко, насколько хватало глаз. Кое-где она просела. В этих местах щебень осыпался, и тяжелые железобетонные шпалы сползли вниз. Рельсы по большей части были растащены на разные постройки и укрепления, так что собственно железная дорога осталась только в памяти старожилов. Сам Стас никогда в жизни не видел действующего локомотива, а уж тем более – целого поезда. Рассказы об огромных железнодорожных составах, словно ураган пронесшихся по рельсам из одного конца некогда огромной страны в другой, казались ему стариковскими сказками, равно как и предания о гигантских летательных аппаратах, перевозящих по триста человек за четыре часа из Москвы в Новосибирск. Да и сами эти города были для него лишь легендой, таинственной и страшной.

Стас шел слева от насыпи. Вылезать на ее вершину было небезопасно. Одному богу известно, кто или что может шататься поблизости. Идти по осыпающейся щебенке очень неудобно, но это все же лучше, чем лезть по бурьяну или, что совсем уж нежелательно, нарваться на рейдеров, гордо шествуя по самому верху, словно ростовая мишень в тире.

Кованые подошвы армейских ботинок размеренно хрустели щебнем и поднимали в воздух облачка белой каменной пыли. Местность, тянувшаяся вдоль насыпи, ничем особым не была примечательна. Редкий лесок сменялся прогалинами или небольшими болотцами, затем снова заполнял собой пространство, пригодное для его простой и непритязательной жизни. Молодые тоненькие деревца теснились вокруг редких, но громадных сосен-исполинов. Время от времени на глаза попадались остатки фундаментов каких-то зданий, иногда стоящие одиночно, иногда – группами, возможно, даже улицами. Поросшие зеленью, они были едва различимы, боязливо и нелепо высовывались из травы растрескавшейся кладкой красного кирпича, просвечивали сквозь бурьян сгнившими бревнами. Стас смотрел на карту, читал названия исчезнувших деревень, ничего ему не говорящие, и прикидывал, долго ли еще до Кутузовского.

Скоро выяснилось, что совсем не долго. Лесок кончился, и вдалеке забрезжило что-то светло-желтое, оказавшееся полем пшеницы, через которое от насыпи шла весьма широкая дорога с двумя глубокими тележными колеями. Над рощицей, темневшей за полем, высились силуэты сторожевых башен. Стас взглянул на часы – было всего лишь двадцать минут четвертого. Он поправил рюкзак и, насвистывая мелодию какой-то старой песенки с забытыми словами, зашагал по дороге.

Бурьян, густо разросшийся вдоль насыпи и вымахавший едва ли не в человеческий рост, зашевелился под налетевшим с поля ветром, качая пожухшими пыльными листьями. Огромный борщевик с толстым, как у настоящего дерева, стволом дернулся и задрожал метрах в пятидесяти, возле примятых лопухов репейника.

Стас, не меняя темпа, продолжил шагать вперед. Левая рука будто невзначай легла на цевье, а правая незаметным движением сняла автомат с предохранителя.

«Кутузовские? А если нет? Может, дать навскидку веером и в канаву, а оттуда гранатой угостить? Нда... Плохое начало взаимоотношений. Хотя... Форт рядом. Кому тут еще придет в голову секреты устраивать? Крикнуть, что вижу их? Нет, не стоит. Струхнут еще да пальнут с перепугу. Ждут, когда спиной повернусь. Ну, ладно, пусть так».

Он отпустил автомат и, стараясь не коситься на бездарно организованный секрет, прошел мимо.

– Стоять! – раздался позади неуверенный окрик.

«Ай, молодца!»

Стас остановился.

– Ты руки-то подними, – заговорил второй голос. – Давай-давай, а то пальну сейчас с двух стволов, поздно будет.

– Спокойно, мужики, – начал Стас, медленно и нехотя поднимая руки. – Нет причин для беспокойства. Видел я засаду вашу.

– Это мы уж сами как-нибудь разберемся, есть причины или нет, – отозвался второй голос после небольшой паузы, и что-то холодное уперлось Стасу в затылок. – Пашка, забери у него автомат и карманы проверь.

Тут же перед Стасом возникла глупая испуганная физиономия, принадлежащая, по всей видимости, тому самому Пашке. На вид пареньку было лет семнадцать-восемнадцать. В правой руке он держал обрез «мосинки», а левой стал снимать автомат с шеи пленного. Ремень цеплялся за ворот и никак не хотел перекидываться через голову. Пашка нервничал, ствол «мосинки», направленный Стасу в живот, ходил ходуном.

– Павел, – обратился Стас к совсем растерявшемуся парнишке, – ты бы поосторожнее с ружьишком-то.

– А ну, стой тихо! – раздалось сзади, и что-то больно тыкнуло в затылок.

Пашка наконец-то снял автомат и дрожащими руками передал его своему напарнику, после чего снова замер перед Стасом, продолжая целиться ему в живот.

– Пистолет вытащи у него, бестолочь, – снова загудел бас за спиной. – И карманы обшмой. Сколько раз повторять тебе?

– А? Да, пап, прости, – виновато проблеял Пашка и, неловко шевеля дрожащими пальцами, вынул «ПМ» у Стаса из кобуры.

– Так вы, значит, родственники? – поинтересовался Стас.

– Тебе-то какое дело? – недружелюбно прогудел человек за спиной. – Ты, собака безродная, семьей обзавестись не успеешь уже.

– На вашем месте я не стал бы так необдуманно грубить кому попало, – заметил Стас и назидательно поднял вверх указательный палец: – Я, между прочим, здесь по делу.

– Это по какому такому делу? – поинтересовался невидимый собеседник. – А то мы уже двоих деловых повесили. Третьим быть хочешь?

– Я иду в Кутузовский по просьбе вашего старосты, Лефантьева, – пояснил Стас. – Вас не проинформировали?

Пашка вопросительно взглянул ему через плечо. За спиной молчали, видимо, обдумывая услышанное. Наконец таинственный собеседник снова подал голос:

– Ладно, как бы там ни было, разберемся на месте. Топай вперед.

Проходя через поле, Стас заметил еще два секрета – пары вооруженных дробовиками людей неумело, да и не особо стараясь, прятались в близлежащей рощице.

Кутузовский уже был совсем близко. Стас, изредка подгоняемый тычками в спину, приближался к южной стене, по краям которой высились две башни. На каждой из башен сидели по два человека, вооруженных винтовками. Прямо над массивными воротами располагалось пулеметное гнездо, сваренное из толстенных металлических щитов с узкой прорезью посередине. Из прорези на дорогу грозно смотрел ствол «Утеса». Стас удовлетворенно отметил, что, видимо, не зря он откликнулся на просьбу здешнего старосты. Если форт может позволить себе такой пулемет, значит, дела идут неплохо, а это с большой долей вероятности означает, что обещанная плата не окажется лишь сладкой сказочкой.

Стена форта Кутузовский тоже выглядела весьма внушительно, по крайней мере южная. Основанием для нее служили рельсы, что было вполне логично, учитывая близость остатков железной дороги. Насколько Стас мог заметить, к рельсам крепились толстые сосновые доски, обшитые железными листами. Стена, около пяти метров высотой, была немного наклонена вперед, что теоретически затрудняло ее штурм, и подпиралась снаружи все теми же рельсами. Поверху шли три ряда колючей проволоки.

Любуясь этим фортификационным чудом, он не сразу заметил виселицы, стоящие метрах в двадцати от дороги. Два из пяти простых и эффективных орудий скорого правосудия были заняты. Трупы, судя по слабому еще сладковато-кислому аромату без характерных ноток удушливости, болтались свежие, не больше пары суток, хотя от лиц уже почти ничего не осталось. Вездесущие вороны пировали и здесь. На повешенных было только нижнее белье, так что установить их принадлежность к определенному клану на глаз не представлялось возможным.

– Рейдеры? – спросил Стас, кивнув в сторону виселиц.

– Ага, почти, – ответил бас за спиной и с усмешкой добавил: – Чуток похуже.

– Не понял.

– Если рядом с ними не повиснешь, то скоро поймешь.

Конвоиры и озадаченный Стас подошли к воротам. Пашка взялся за тяжелое металлическое кольцо, привинченное к ним, и дважды постучал. В сплошном листе железа размером примерно три на три метра открылось узкое смотровое окошечко. На секунду в нем появились глаза, и окошечко снова захлопнулось. Через мгновение из-за стены послышался металлический скрежет, и ворота стали медленно отъезжать влево. В образовавшемся проеме блеснула гладкая поверхность рельсов. Тяжеленная конструкция, перегораживающая вход, была закреплена на колесной паре и приводилась в движение силой двух человек, вращающих барабан со стальным тросом. Как только ворота отъехали на достаточное расстояние, Стаса любезно протолкнули внутрь, и за спиной снова заработал механизм на мускульной тяге.

– Нам туда, – Пашка махнул рукой в сторону двухэтажного бревенчатого здания, стоящего в глубине форта.

Внутри Кутузовский выглядел не столь внушительно, как снаружи. У стен ютились одноэтажные деревянные бараки, обитые железом. На небольших верандах сушилось белье. Центральная часть этой маленькой крепости была хаотично застроена избами разной величины, одни были полностью деревянными, другие – с пристройками из грубого черно-красного кирпича. Повсюду бегали куры, ковырялись в земле, расшвыривая ее своими узловатыми лапами и поднимая клубы пыли. Чумазая ребятня с криком носилась между избами, азартно паля друг в друга из деревянных автоматов, и, просунув язык сквозь зубы, изображала треск выстрелов. Получалось весьма убедительно.

Двухэтажных зданий было всего два. На одном красовалась вывеска «Трактир», а на втором, к которому вели Стаса, какой-то бездарный маляр кривыми буквами вывел белой краской по треснувшей доске «Комендатура».

Стас поднялся по скрипучим ступенькам на крыльцо. Пашка потянулся к ручке, чтобы открыть дверь, и едва не слетел кубарем вниз, сбитый высоченным плечистым мужиком в камуфляже и разгрузочном жилете. Тот выскочил из комендатуры весь красный и, хлопнув дверью, пошел к трактиру, не обращая внимания на робкие Пашкины жалобы и отборный мат его папаша. Разглядеть скандалиста как следует Стасу не дали. Матерясь и поскуливая, конвоиры затолкали его в комендатуру.

– Вот, привели, – констатировал Пашкин отец и, шагнув вперед, наконец-то попал в поле зрения Стаса.

Именно таким он его себе и представлял. Лысый, бородатый крепыш, нос вздернутый, черты лица славянские. Стас смотрел на его хмурую физиономию и невольно улыбался.

– Кого? – устало поинтересовался сидящий за столом мужчина лет пятидесяти.

На его круглом мясистом лице горел нездоровый румянец, а большие залысины на седеющей, коротко стриженной голове были покрыты испариной.

– Ну, как кого?.. – растерялся бородатый. – Да хрен его знает. Ошивался тут у поля, рядом с насыпью.

– Хочу заметить, что я не «ошивался», а целенаправленно шел в Кутузовский. По делу, – начал Стас.

– Знаем мы дела ваши, – пробубнил бородатый. – Деловые, бля.

– Тихо, тихо, – человек за столом поднял руку. – Сейчас во всем разберемся. Я вас слушаю, – обратился он к Стасу.

– Два дня назад я был в Красном, – продолжил тот. – Староста тамошний – Федор Семенович Панин – получил из Кутузовского радиogramму, в которой говорилось, что срочно требуются люди с оружием. – Стас кивнул на свой автомат, висящий у бородатого на плече. – Меня Панин знает. Он мне эту радиogramму передал, и я пришел. А ваши доблестные бойцы меня повязали и всю дорогу угрожали повесить.

– Вранье, – забеспокоился бородатый. – Ничего такого я не говорил.

– Письмо есть у вас? – поинтересовался мужчина за столом.

– Есть, – ответил Стас. – А вы, собственно, кто будете?

– Лефантьев Сергей Борисович, – представился мужчина. – Староста форта Кутузовский.

– Ну, раз так, держите, – Стас вынул из-за пазухи и передал конверт.

Староста долго изучал бумагу, сравнивал ее с другим письмом, сличал подписи. Стас продолжал стоять под неусыпным контролем своих надзирателей. Наконец Лефантьев удовлетворенно кивнул, поднялся из-за стола и, подойдя, протянул Стасу руку.

– Все в порядке. Рад с вами познакомиться, Станислав...

– Можно просто – Стас.

– Ну что же, как скажете, – Лефантьев устало помахал рукой на дверь, и незадачливые конвоиры, что-то бубня себе под нос, удалились, оставив на стуле автомат и «ПМ». – Вы уж простите этих олухов. Не проинформировали их – моя вина. Да и ситуация у нас здесь напряженная, все на взводе. Да вы и сами, наверное, понимаете.

– Честно говоря, пока не очень понимаю, – отозвался Стас. – Панин мне передал только, что у вас проблемы и нужны дополнительные бойцы. За хорошую плату. В чем состоит проблема, он не уточнял. Так что у меня сейчас есть два неразрешенных вопроса: что за проблема и какова оплата?

– Ясно, – понимающе закивал в ответ Лефантьев. – Хотите чая?

– Не откажусь.

– Вот и отлично, присаживайтесь, – староста начал суетиться вокруг стола с кружками, насыпая заварку и заливая ее кипятком из закопченного помятого чайника. – Чай у нас отличный, с шиповником, с ромашкой.

– Спасибо, – поблагодарил Стас и отхлебнул из кружки ароматную дымящуюся жидкость красноватого цвета. – Ну так что, много их?

– Кого? – удивился Лефантьев.

– Тех, что вынуждают вас нанимать бойцов.

Староста поставил уже поднесенную к губам кружку на стол и шумно вздохнул.

– Точно сказать не смогу. Человек двадцать пять, может быть, тридцать.

– Чем вооружены? – продолжал Стас.

– Я видел «АКМ», «АК-74», как минимум один «ПК».

– Впечатляет. Не похоже на обычных рейдеров.

– Да, – согласился Лефантьев. – Не похоже. Они к тому же еще и в камуфляже все. И даже не просто в камуфляже, а с погонями. Вот... Армии уже семьдесят два года как нету, а тут на тебе.

– Армия?! – Стас едва чаем не поперхнулся.

– Не-ет... не думаю, – покачал головой Лефантьев. – Разве тридцать человек армия?!

Нет.

– А откуда известно, что их тридцать?

– Так ведь пять дней назад они к нам всей гурьбой пожаловали. Приехали, кстати, на двух грузовиках южной дорогой. По всему видно – ребята серьезные, даже бензина не жалеют. Наверное, и с патронами у них дефицита нет. Ну, приехали они, из кузовов высыпали, потрясли автоматами перед нашей охраной и потребовали меня для переговоров. Я вышел. Подходит ко мне мужик в черном берете. Он один в берете был, потому я и запомнил. Сам подтянутый такой, гладко выбритый, на погоне две звездочки маленьких. Говорит мне: «Так, значит, и так, мы в ваших краях – новая власть, вы с сегодняшнего дня находитесь под нашим протекторатом и обязаны передать нам часть своего урожая. Поля у вас большие, уборочная уже идет, так что через три недели готовьте семьдесят мешков зерна для Железного Легиона». Любят подонки всякие названия пафосные себе выдумывать. А я ему

что скажу, когда вокруг куча народу с автоматами? Согласился, конечно, но как только они уехали, стал радиogramмы слать во все соседние поселения, помощи просить. Я-то знаю, что с подобными бандитами только один аргумент помогает – свинцовый. Народу у нас много, одних мужиков – сорок два человека, а вот стволов маловато. Да и те, что есть – дробовики, «мосинки», «СКС», «калашей» пять штук всего, «СВД» еще есть. Худо-бедно можем вооружить семнадцать человек.

– А пулемет? – удивился Стас.

– «Утес»-то? Да он для виду только, постращать. Патронов-то для него нет. Где же теперь двенадцать и семь найдешь? У бродячих торгашей такого не купишь.

– Печально.

– Не то слово. Дальше еще печальнее. Через три дня после наших «переговоров» притопали два товарища, опять в форме, с «калашами», по две полоски на погонах. Мелкие, видать, сошки. У одного за спиной рация висит. Пришли и сказали, что будут контролировать процесс заготовки зерна для Легиона.

– Это они у ворот болтаются? – перебил Стас.

– Они. Я даже предпринять не успел ничего. После визита этих «легионеров» народ весь как на иголках был, а такая наглость совсем уж последней каплей стала. Олухов этих разоружили моментально и давай пинать всей толпой. Одного насмерть забили, вешали уже труп. Второго я пытался отбить, хоть допросили бы, но не вышло. Разъяренная толпа – штука страшная, неуправляемая. Понять людей можно. Столько времени мы пшеницу эту растили, охраняли, день и ночь на полях, а тут приходят какие-то фраера и требования свои выдвигают, – Лефантьев тяжело задышал и покраснел еще сильнее. – Никому такое не понравится.

– А с рацией что?

– Да вон она, – староста кивнул на стоящий в углу темно-зеленый металлический ящик с длинной загнутой антенной. – Воспользоваться ею визитеры наши не успели, разумеется, но чует мое сердце, что ее молчание и станет сигналом к атаке.

– Это как? – не понял Стас.

– Вот так. Какомверху, – в сердцах выпалил Лефантьев, но тут же взял себя в руки: – Извините. Они же ее не зря сюда приперли. Наверняка им дано было задание каждый день на связь выходить и о результатах докладывать. А они ни разу на связь не вышли. Вот я, на месте командира ихнего, крепко б задумался и пожаловал бы к нам с карательной миссией. Есть у меня подозрения, что они уже в пути.

– Логично, – согласился Стас. – И много наемников вам собрать удалось?

– А вот эта часть истории – самая грустная. Если вы согласитесь остаться, то можно считать, что я собрал двоих.

– Еще раз. Сколько?

– Да-да, – подтвердил Лефантьев, невесело улыбаясь, – двоих. Но и это оптимистичный прогноз. До вас здесь еще один наемник был, Максим Пулемет. Кличка у него такая. Здоровенный детина с «Печенегом». Он был бы нам очень полезен, но как-то без энтузиазма воспринял мое предложение.

– Да, я его видел, кажется. Вылетел он от вас как ошпаренный. Так что же вы ему предложили? И, самое главное, что собираетесь предложить мне?

Лефантьев встал из-за стола и, сложив руки за спиной, с задумчивым видом описал круг по комнате.

– Форт у нас не самый богатый, – начал он. – Но мы готовы заплатить сколько сможем. Зерном вы вряд ли возьмете, с серебром у нас напряженно, так что предложу вам за участие в «торжественной встрече» наших новоявленных агрессоров триста «семерок». Ровно столько же я предложил и Максиму.

– Сергей Борисович, – начал Стас, скромно глядя в пол. – Давайте я вам кое-что объясню. Видите ли, работа наемника на практике является гораздо более скучным и обыденным процессом, чем вы его себе, судя по всему, представляете. Обычно наши наниматели, испытывающие трудности с рейдерами, со своими соседями и прочими агрессивно настроенными группировками, приглашают по десять-пятнадцать бойцов. Дальше этот передовой отряд в камуфляже, с начищенным серьезным оружием, со злобными мордами и при поддержке местного населения встречается с потенциальным агрессором. Бой происходит примерно в одном случае из пяти. За это мы обычно берем не меньше двухсот сорока «семерок» на брата. А вы предлагаете нам по триста за гарантированный бой с превосходящими силами.

– Так ведь... – попытался возразить Лефантьев, но Стас, предвосхищая оправдания, поднял вверх указательный палец и продолжил:

– Давайте мы поступим по-другому. Я не возьму из ваших запасов ничего, ни единого патрона, но все трофеи переходят нам. Если вы согласитесь, то я постараюсь убедить Максима остаться.

– И грузовики?.. – нахмурившись, поинтересовался Лефантьев.

– Да, разумеется. И хочу вам напомнить, Сергей Борисович, что пока вы думаете, эти самые грузовики с тридцатью головорезами, возможно, уже едут сюда.

Лефантьев снова начал описывать круги по комнате, поглаживая затылок. По лицу его было видно, что решение дается непросто. Два автомобиля на ходу – целое состояние, не говоря уже об оружии, которое можно снять с тридцати трупов. Но нужно ли будет все это богатство мертвому форту Кутузовскому? Два наемника – конечно, мало, но это все же лучше, чем ничего. С ними шансы на победу хоть немного повысятся.

– Согласен! – неожиданно выкрикнул Лефантьев и отчаянно махнул рукой, словно картежник, ставящий все на кон в надежде отыграться.

– Отлично, – ответил Стас, скрепляя договор рукопожатием. – Пойду в трактир. Нужно поговорить с вашим Пулеметом. Кстати, а что за кузова у грузовиков?

– Тентованные.

Посетителей в трактире было всего два, не считая самого Стаса. За столом в углу сидел какой-то щупленький мужичок, шумно хлебал суп из алюминиевой плошки, периодически останавливаясь и записывая что-то на листке бумаги, лежащем рядом, а в самом центре этого заведения восседал громила килограмм под сто сорок и ростом метра два. Он сидел к Стасу спиной и с треском наворачивал жареную курицу. Было заметно, как перекатываются желваки, выглядывающие из-за плотно прижатых ушей и занятые энергичным пережевыванием пищи. Лоснящаяся лысина поблескивала капельками пота, выступившего от усердия. Пятнистый бежево-коричнево-черный камуфляж едва не трещал по швам на плечах, когда этот гигант отрывал курице ногу. Рядом со столом лежал здоровенный рюкзак, а к нему был приклонен грозный «Печенег».

За небольшой стойкой скучал хозяин заведения, с меланхоличным видом протиравший пивную кружку. Стас подошел к здоровяку и хотел уже начать беседу, но так и простоял секунд пять с открытым ртом, раздумывая, стоит ли беспокоить этого исполина во время приема пищи. Здоровяк как раз разламывал пополам грудину курицы.

Как только он закончил разделять несчастную птицу, Стас решился заговорить:

– Извини, ты будешь Максим Пулемет?

– А ты кто такой? – не оборачиваясь, отозвался детина.

Стас прошел немного вперед, так, чтобы его было видно. Брови гиганта слегка приподнялись, ровно настолько, чтобы холодные серые глаза смогли презрительно взглянуть на то никчемное насекомое, которое мешает ему спокойно поглощать пищу.

– Стас. Будем знакомы, – представился Стас и протянул гиганту руку, однако сей жест был хамски проигнорирован.

Ничуть не смутившись, он отодвинул стул и, сопровождаемый крайне недружелюбным взглядом, уселся напротив.

– Чего? – лаконично поинтересовался Максим и с хрустом разжевал куриную кость.

– Хочу с тобой кое-что обсудить, – продолжил Стас.

– Ну?..

– Я недавно говорил с Лефантьевым, и мне удалось убедить его изменить расценки.

– Ишь ты.

– Да. Сергей Борисович согласен передать нам все трофеи, что останутся после боя, в том числе и оба грузовика.

Максим Пулемет резко перестал жевать, перевел взгляд с тарелки на собеседника, и по его заросшему щетиной брутальному лицу медленно расплылась добрая, по-детски непосредственная, такая неожиданная улыбка, от которой Стасу сделалось вдруг так легко и спокойно на душе, так беззаботно и радостно, словно никакие беды и тревоги не способны были поколебать мир, в котором живут такие добрые великаны.

– Херня, – сухо констатировал моментально помрачневший Максим, и сказочное наваждение тут же исчезло. – Не будет никаких трофеев, перебьют нас тут всех, как цыплят. Охота сдохнуть – оставайся, а я вот доем сейчас и сваливаю.

– Постой-постой, – не сдавался Стас. – Все вовсе не так безнадежно, как может показаться на первый взгляд.

– Да? А как оно безнадежно? Даже если наполовину, то мне и этого за глаза хватит, – Максим бросил на тарелку недогрызенную кость и, опершись могучими руками о стол, продолжил: – Слушай, парень, ты в самом деле считаешь, что мы двое, плюс семнадцать оборванцев с прадедовскими берданками, сможем что-то противопоставить тридцати бандитам с автоматами?

– В самом деле считаю, – невозмутимо парировал Стас. – Иначе я не сидел бы здесь.

– Очень интересно, – Максим принял нарочито заинтересованный вид. – Ну, расскажи, потешь старика.

– Охотно. Начнем с того, что ждать гостей в форте смысла нет. Затяжной бой нам явно противопоказан. У нас и оружие хуже, и патронов наверняка меньше. Так что, если хотим победить и здоровье сохранить, нужно организовывать засаду на подступах.

– Уже смешно, давай дальше.

– Значит, так, – продолжил Стас, игнорируя сарказм. – На девятнадцать человек у нас в общей сложности, если верить старосте, шесть «АК», одна «СВД», один «Печенег», остальное – барахло: дробовики, обрезы.

– Я не понял, ты меня уговариваешь или отговариваешь?

– Разреши, я закончу. Кроме описанного арсенала, у меня имеется четыре «эфки».

– Ишь ты. Где разжился?

– Это не важно. Важно то, как мы их можем использовать.

– Заинтриговал. Ну и как же?

– Извини, можно тебя Максом называть? А то длинно очень.

– Валяй.

– Ну так вот, Макс, я предлагаю следующий вариант...

Лефантьев в своей обычной манере нарезал круги по комнате, грызя карандаш. За столом в комендатуре сидели Макс, Стас и его бывший конвоир – бородач Федор.

– Рискованно это все, ребята, очень рискованно, – качал головой староста.

– Ясен перец, – усмехнулся Макс. – У вас тут сейчас все рискованно, даже в сортир без риска не сходишь.

– Действительно, Сергей Борисович, – подключился Стас. – О чем вы говорите? «Рискованно». Это хоть какой-то выход. Да, я согласен, что может и не выгореть, но уж если выгорит – сразу в дамки. Скорее нужно решать, скорее. Мы тут лясы точим, а время уходит. К приготовлениям еще и не приступали.

– Согласен, – поднялся из-за стола Федор. – План разумный, хоть местами и сумасшедший. Я, по крайней мере, ничего лучшего предложить не смогу.

– Нужно хоть какой-то запасной вариант проработать на случай, если основной провалится, – предложил Лефантьев и вопросительно уставился на Стаса.

– Запасной? – Стас развел руками. – А что тут можно придумать? Все врассыпную, встречаемся в Красном. Годится?

– Нет, не годится, – снова взял слово Федор, почесывая бороду. – В форте остается почти сотня народу, женщины, дети. В лесу их не укроешь. Там зверья разного расплодилось тьма, а все семнадцать стволов у нашей группы остаются. В Красный этакую толпу тоже не приведешь. Выходит, что им-то разбежаться как раз и некуда.

– Что поделатъ, – глядя в пол, ответил Стас. – Оставим Сергея Борисовича в форте. Если план наш полетит к черту, то он будет от всего отрециваться, валить на залетную банду, на рейдеров. Пропажу двоих из легиона тоже можно на них списать, только трупы снять не забудьте, а то не поверят.

Федор вопросительно посмотрел на Лефантьева. Тот заметно воспрянул духом после предложения оставить его в форте.

– Ну что же, – промокая платочком лоб, заговорил староста. – План не самый блестящий, но вполне приемлемый.

– Рация еще одна у вас есть? – поинтересовался Стас.

– Есть, – ответил Федор.

– Отлично. Ну, приступим.

Солнце медленно и лениво тянулось к земле, строго придерживаясь своего ежедневного графика дежурств над этим странным и бессмысленным миром. Северный холодный ветер, дувший совсем недавно, утих, и неподвижные кучевые облака, озаряемые янтарным светом заходящего светила, повисли над лесом, будто только что взбитая пуховая перина.

Два тяжелых грузовика неслись по изрытой дороге, громяхая дощатыми бортами и оставляя позади себя черный шлейф копоти. В кузовах сидели люди, одетые в новый чистый камуфляж. Они ехали молча, лишь изредка матерясь сквозь зубы, когда колесо попадало в очередную колдобину. Блестящие смазкой «АК-74М» смотрели в потолок стволами, крепко зажатыми в сильных руках, и глухо стучали о пол машины своими полиамидными прикладами. Никто из бойцов не шутил, не смеялся, не курил, не обсуждал приказов.

Человек в черном берете, сидящий рядом с водителем первого грузовика, со скучающим видом вертел в руках «АПС», вынимал и загонял обратно в рукоятку двадцатизарядный магазин, прислушиваясь к приятному мягкому щелчку. Неожиданно что-то привлекло его внимание. Человек быстро открыл дверцу, высунулся из кабины и стал напряженно вглядываться в лес позади, но секунд через пять вернулся на место.

– Что-то случилось? – нерешительно поинтересовался водитель.

– Нет, ничего. Показалось, наверное, – ответил человек в берете. – Следи за дорогой.

Ветки деревьев зло хлестали несущиеся грузовики по брезентовым тентам, трещали, с глухим хрустом разлетались в стороны, но не в силах были остановить многотонных железных монстров, которые так дерзко и бесцеремонно вторглись на территорию леса, отвоеванную у людей много десятилетий назад.

Петляющая дорога сделала еще один поворот и вышла на прямую. Вдалеке замаячил железнодорожный переезд и... что-то еще. Водитель резко ударил по тормозам, и машина, на секунду потерявшая управление, едва не пошла юзом. Второй грузовик каким-то чудом остановился в считанных сантиметрах от первого. Перед глазами водителя и пассажира головного автомобиля разворачивалась идиллическая сцена из сельской жизни. Две коровы, погоняемые мужичком в тулупе, мерно волочили через дорогу бревна, сколоченные скобами. Отойдя от легкого шока, человек в берете молча передернул затвор «АПС» и открыл дверцу. Ничего больше он сделать не успел. Короткая автоматная очередь прошла его грудь по диагонали, раскрасив кабину алыми брызгами. Через мгновение сзади, в кузове, что-то гулко стукнулось о пол, четырнадцать пар кованых подошв разом выдали барабанную дробь и...

Несколько оглушительных хлопков сотрясли машины. Справа от остановившейся колонны черный лес расцвел всполохами раскаленных пороховых газов. Надрывно закашлялись автоматы, ухнули дробовики, затрещал «Печенег», превращая в решето брезентовые тенты. Медленно выходя из леса и не переставая вести огонь, девятнадцать человек дугой охватили грузовики от правой двери первого до левого борта второго, простреливая, таким образом, все сектора и не попадая при этом под «дружеский» огонь.

Из машин повалились люди. Они выпрыгивали, выползали с перебитыми ногами на брюхе, пытались перебраться через борта и тут же попадали под жестокий огненный шквал девятнадцати стволов. Багровые облачка, словно маленькие фейерверки, вырывались из человеческих тел, на долю секунды повисая в воздухе, и оседали на землю кровавой пылью. Дымящиеся, разорванные осколками и пулями люди падали из кузовов, принимая самые нелепые позы, бились в конвульсиях. Некоторые, даже с выданными из тела кусками мяса, пытались спастись, ведомые неистребимым инстинктом самосохранения, старались заползти под машину, спрятаться за колесами, но бездушные горячие комочки свинца рвали их в клочья.

Бойня продолжалась меньше минуты. Потом безумная какофония стрельбы затихла. На смену ей пришли стоны и подвывания, методично заглушаемые одиночными выстрелами и звуками входящей в плоть стали.

– Твою же мать! – зычный бас Макса сотряс воздух, пропитанный порохом и кровью. – Какая падла испоганила мой грузовик?! Нельзя, бля, аккуратнее-то целить?!

Стас усмехнулся, повесил автомат на плечо и вынул из кобуры «ПМ». Почему Макс решил, что его грузовик именно второй, Стас не знал, да ему и наплевать было на это. Второй – так второй. Тогда его – первый.

Здоровенная трехосная дурина, тонн этак под шестнадцать, если на глазок, представляла собой сборную, но весьма добротную солянку из узлов продукции автопрома, канувшего в Лету семьдесят два года назад, и кустарных деталей, удачно их дополняющих. Подобный симбиоз, воплощенный в жизнь руками людей, в этом деле явно не случайных, дал впечатляющий результат. Громадные колеса, обутое в шины с глубоким протектором, поднимали все три оси этого чуда технической мысли на добрых сорок сантиметров выше дороги. Массивная база, унаследованная, видимо, от легендарного «Урала», несла на себе деревянную платформу с тремя откидными бортами, оборудованную съемными дугами и тентом, пришедшим теперь в полную негодность, а также угловатую кабину, сваренную из листов двухмиллиметровой стали, переходящую в длинный капот, сужающийся к хищному передку. Лобовое стекло заменяла решетка из стальных прутьев, перевитых по диагонали так, чтобы между ними без помех проходил автоматный ствол. Боковые окна железного чудовища – узкие прорези, сделанные примерно на уровне глаз человека, сидящего в кабине, – напоминали скорее бойницы.

Стас подошел ближе и потянулся, чтобы открыть дверцу, как вдруг остановился, заметив едва различимое движение среди мертвых тел, лежащих под днищем машины. Там,

притаившись за левым передним колесом, что-то шевелилось, дергалось и поскуливало. Он обошел машину спереди, достал из разгрузки фонарик и присел на корточки возле клыкастого бампера, разглядывая возмутителя мертвенного спокойствия. Тусклый желтоватый луч скользнул под колесо и отразился от широко распахнутых влажных глаз. Они смотрели прямо на Стаса, не отрываясь. Зрачки превратились в две мелкие черные точки, окруженные голубой радужкой. Человек лежал на спине, поджав правую ногу, левой видно не было. Разгрузочный жилет на груди превратился в окровавленные лохмотья, из которых торчали искореженные автоматные магазины. Правая рука тянулась вдоль туловища и была неестественно длинной. Стас не сразу заметил, что на плече рукав разорван и пуст. Эти голубые глаза на багровом от крови лице смотрели так пронзительно, так живо...

И тут человек заговорил. Рот его раскрылся, кровавая пена запузырилась на губах, и мокрые, хлюпающие звуки сложились в слова:

– Хозяин узнает. Он пришлет старших братьев. Все выдохнете еще до рассвета. Слава... – предсмертные хрипы помешали закончить бравадную речь с первой попытки. – Слава Железному Легиону! – губы, покрытые красными пузырями, медленно растянулись в усмешке.

Стаса передернуло. Он поднял пистолет и выстрелил. Еще раз и еще. Усмешка застыла на мертвом лице, но глаза все так же пристально и пронзительно смотрели, голубые, как ясное небо.

– Эй, мужики, – Макс, увешанный четырьмя автоматами, махал руками, пытаясь привлечь внимание. – Помогите хабар в кабину загрузить.

Удостоверившись в том, что его просьба была услышана, Макс с довольным видом закинул автоматы на правое сиденье и, пританцовывая, подошел к Стасу, все еще сидящему на корточках возле своего грузовика.

– Ну, зема, я тебе скажу – это было нечто! – он хлопнул Стаса по плечу, от чего тот едва не потерял равновесие. – Ни разу я еще такого не видел, чтобы девятнадцать голожопых колхозников... пардон, семнадцать голожопых колхозников и два профессионала без потерь перебили тридцать круто упакованных головорезов! Сейчас в форт приедем, хабар будем разбирать. Ох и люблю я это дело. Надо еще трупки обшмонать, они патронами просто под завязку набиты. Ха, ни одного выстрела сделать не успели, прикинь! Как бы эти наниматели наши не потырили там без присмотра, – Макс огляделся по сторонам, недоверчиво щурясь, после чего снова взглянул на озадаченного Стаса: – А ты чего тут сидишь-то, грустный такой?

Тот молча кивнул на труп под машиной.

– Ну, трупак, – равнодушно констатировал Макс. – Ты что, трупиков не видел?

– Он сказал... – начал было Стас и запнулся.

– Что сказал?

– Да ерунда, не важно. Чего, ты говоришь, с трупами делать будем?

– А че с ними делать-то? Обшмонаем и бросим, зверье само разберется, как их употребить.

Ночью в трактире было многолюдно и шумно. Внутри собралось человек сорок, остальные, кому места не хватило, праздновали победу снаружи.

– Я хочу произнести еще один тост за наших героев, – слегка заплетающимся языком объявил Лефантьев, сегодня гораздо более красный, чем обычно. – За этих без преувеличения выдающихся людей, которые помогли нам на достойном уровне организовать встречу новоявленным «хозяевам мира». – Зал одобрительно загудел под перезвон кружек, Стас с Максом в очередной раз поднялись и вежливо покивали. – Кроме того, я хочу особо отметить Павла, – указательный палец старосты устремился в сторону залившегося румянцем

Пашки. – Нашего храбреца, который не побоялся в одиночку пять часов просидеть в лесной чаще с рацией и заблаговременно предупредил нас о приближении врагов. Ура!

Боевой клич, подхваченный собравшимися, эхом разнесся по округе. Люди радовались. Радовались искренне, легко, непосредственно, как дети. Поздравительные речи закончились, на смену им пришла музыка. Играл аккордеон, чьи-то умелые пальцы виртуозно выводили «Подмосковные вечера». Мужчины на улице приглашали своих жен на танец. Стас сидел за столом с кружкой пива и думал, что это был настоящий праздник, почти такой, как бывали, наверное, раньше, до падения всего и вся, до войны.

– Здравствуйте, молодые люди, – к столику, за которым сидели главные герои праздника, тихонечко подошел маленький худощавый человек лет шестидесяти в потрепанном черном пиджаке и очках с треснутой линзой. – Простите, что беспокою. Вы, наверное, меня не помните, мы виделись с вами днем, здесь. Разрешите представиться – Гринберг Карл Яковлевич.

– Здорово! Присаживайся, – пробасил невероятно любезный Макс и пожал Карлу Яковлевичу руку.

Его примеру последовал и Стас.

– Благодарю, – ответил Карл Яковлевич и уселся на свободное место. – У меня к вам архиважное дело. Я слышал о договоре с Сергеем Борисовичем, ну, и о том, разумеется, как все удачно вышло у вас с засадой.

– Это еще мягко сказано, – вставил Макс и залился весьма недобрым хохотом.

– Да. Примите мои поздравления, – проявил учтивость Карл Яковлевич. – Дело в том, что я являюсь коммивояжером...

– Кем-кем? – удивился Макс.

– Торговцем, – пояснил Стас.

– Верно, молодой человек, – Карл Яковлевич согласно закивал. – Странствующим торговцем. И я, если позволите, с удовольствием взглянул бы на ваши трофеи. Расчет можем произвести серебром.

– Это дело! – Макс, улыбаясь, потер руку об руку.

– Да, возможно, началась белая полоса и в моей жизни, – согласился Стас.

– Ну, что же, тогда давайте пройдем к вашим машинам.

Аккуратно проталкиваясь между многочисленными посетителями трактира, все трое вышли на улицу. В лицо Стасу повеяло ночной прохладой, такой свежей и приятной после прокуренного помещения. Было уже около четырех часов утра, но народ в трактире и рядом с ним даже не думал расходиться. Все пребывали в прекрасном расположении духа. Проходя мимо попивающих пиво компаний, Стас то и дело ловил на себе благодарные взгляды и с удовольствием принимал сдержанные, но искренние приветствия. Это было приятно, даже очень. Почувствовать себя героем ему удавалось далеко не каждый день. Разумеется, он и раньше не раз участвовал в подобных вещах, но это было немного другое. Одно дело – припугнуть зарвавшуюся шпану, промышленяющую на большой дороге с обрезам, и совсем другое – перебить отряд хорошо вооруженных и, судя по всему, весьма неплохо организованных людей. Вопрос о том, кто же они были такие, не давал Стасу покоя с того самого момента, как он о них услышал. А короткий, слишком короткий, разговор с тем умирающим человеком породил еще больше вопросов. «Хозяин», «старшие братья», «Железный Легион» – это сильно тревожило Стаса. Даже хмель не смог полностью заглушить смутных переживаний, порожденных этим странным предсмертным откровением. Слишком уж необычной была вся вчерашняя история.

– Товара много. Как вывозить-то планируешь? – услышал Стас сквозь свои мысли голос Максима. – Мне, конечно, все равно, просто интересно.

– Разумеется, не на себе, – отвечал Карл Яковлевич. – Вон там, видишь, машина стоит? – махнул он рукой в сторону неказистой четырехколесной конструкции с прицепом. – Это моя.

– А что за мордovorоты рядом? – продолжал интересоваться Макс.

– Племянники, – ухмыльнулся Гринберг. – У нас семейный бизнес. Я же не солью торгую, чтобы одному ездить. Да если бы и солью, все равно. Сейчас времена такие, молодой человек, что в одиночку только сумасшедший на дорогу выйдет. Сумасшедших, конечно, тоже хватает, только ведь они долго-то не живут. Жадность еще никому жизнь не продлевала. А попутных обозов ждать – это же сплошное разорение. Пока ждешь, больше потратишь, чем наторговал. Так что приходится делиться.

– А не маловато пять человек-то всего для охраны? Может, побольше телохранителей нужно? Готов помочь. О цене договоримся.

– Максим, – с наигранным смущением начал Карл Яковлевич, – вы не обижайтесь, но семейный бизнес – это семейный бизнес. Как бы объяснить? В этом деле посторонний человек, да еще и при оружии, вносит лишнюю нервозность и...

Карл Яковлевич все еще продолжал говорить, разясняя Максу тонкости построения семейного дела, но Стас уже не слушал. Внимание его отвлек какой-то странный звук. Что-то ухнуло вдалеке, а потом раздался свист, резкий и протяжный. Он усиливался, как будто приближаясь. Еще один хлопок, и вот уже к первому свисту присоединился второй. Стас невольно стал поворачивать голову по направлению этого звука, и тут синевато-черная темнота раннего сентябрьского утра, робко нарушаемая лишь чадающими факелами, разом исчезла. Оглушительный взрыв прогремел буквально в сорока метрах от их троицы, уши заложило, глаза заболели от неимоверно яркой вспышки. Стас упал на землю, через мгновение что-то просвистело у него прямо над головой. И тут же – второй взрыв. Глаза, еще не оправившиеся от шока, наткнулись на Гринберга, лежащего лицом вниз. Старенький пиджак на спине Карла Яковлевича вздыбился клочьями и дымился. Макса рядом не было. Через секунду Стас заметил, как тот отчаянно машет ему руками, показывая в сторону грузовиков и уже направляясь туда. В ушах звенело, вокруг плавали какие-то темные силуэты. Стас обернулся к трактиру, но не нашел его. На том месте, где пару минут назад шумная компания веселилась и праздновала победу, полыхал столб пламени, рядом с которым двигались огоньки поменьше. Они хаотично мельтешили вокруг гигантского костра. Живые факелы бегали, падали, снова поднимались, опять падали, катались по земле. Слух постепенно начал восстанавливаться, и до Стаса донеслись крики. Сначала приглушенные, как будто под водой, потом все более и более отчетливые, вопли боли и ужаса обезумевших, объятых пламенем людей.

Стас поднялся на ноги и, спотыкаясь, побежал к грузовикам, судорожно нащупывая ключ в нагрудном кармане. Во что бы то ни стало нужно было добраться до машины, открыть кабину, достать автомат, разгрузку. Это было нападение, жестокое, хладнокровное и хорошо спланированное. В этом Стас был уверен. Обещанная месть. Он не сомневался и в том, что атака не закончилась.

Грузовики стояли на углу южной и западной стен форта, метрах в пятидесяти от ворот. До них было уже недалеко. Еще немного, он доберется до кабины, возьмет в руки автомат и тогда... тогда еще нужно будет посмотреть, кто выйдет живым из боя. Тогда его шансы возрастут. Без автомата во всей этой заварухе Стас чувствовал себя голым, слабым и жалким. Только сейчас он заметил, что сжимает в правой ладони рукоять «ПМ», даже не помня, как расстегивал кобуру. Но этой игрушки мало, мало. Левая рука просила цевье, правое плечо ждало приклада, а их не было, и от этого становилось не по себе.

Стас обогнул очередную избу и вышел на финишную прямую. До грузовиков оставалось метров тридцать, когда прогремел третий взрыв. Мощный хлопок, не похожий на два

первых, больно ударил по барабанным перепонкам. Позади в бревенчатую стену воткнулся здоровенный искореженный кусок стального листа. Стас, немного замедлив бег, посмотрел на ворота и увидел, как на краю огромной дыры, образовавшейся после взрыва, появился темный силуэт. Он двигался слева направо, перекрывая собой проем диаметром примерно метр на метр. Что-то, подозрительно похожее на руки, ухватилось за рваный, еще дымящийся край дыры, и ворота, отлетев в сторону, с такой силой ударились об отбойник, что тяжеленная колесная пара подпрыгнула и, приземлившись, едва не сошла с рельс.

Ноги как-то сами собой перешли на шаг, а потом и вовсе остановились как вкопанные. Стас раскрыв рот глядел на то, что стояло сейчас в воротах, и не верил собственным глазам. Не верил до тех пор, пока существо не сделало пару шагов, выйдя на участок, освещенный всполохами пожара. Ростом заметно выше двух метров и, наверное, метра полтора в плечах, нездорово сутулящееся, чудовище все же пугающе сильно напоминало человека. Большая голова на бычьей шее была покрыта коротко стриженными светлыми волосами. Невероятно развитая мускулатура при каждом движении валунами перекатывалась под зеленой тканью одежды, похожей на униформу. Рукава были закатаны выше локтя и открывали мощные жилистые предплечья, каждое толще, чем бедро у взрослого человека. Грудь, живот и плечи существа закрывала странного вида броня. Стас смотрел на него как замороженный, не в силах пошевелиться. Тут чудовище, слегка подавшись вперед, вытянуло шею и заревело, будто медведь. Громадные руки вскинули «Корд» словно легенькую винтовку, и снап пороховых газов, изрыгнутых крупнокалиберным пулеметом, под аккомпанемент чудовищного грохота осветил его мясистое лицо с разинутой пастью, широкий приплюснутый нос, массивную челюсть, похожую на ковш экскаватора, низкий лоб с толстыми надбровными дугами и глубоко посаженные, звериные, горящие желтым светом глаза.

– Стас! Стас, бля, сюда давай, быстрее! – знакомый раскатистый бас пробился к загипнотизированному невероятной картиной рассудку.

Ноги снова побежали. Стас мчался к машинам и краем глаза видел, как через ворота идут все новые и новые монстры, одетые в зеленую форму.

Макс, уже в полной боевой выкладке, сидел за рулем.

– Где тебя черти носят? – недовольно процедил он сквозь зубы Стасу, запрыгнувшему в кабину, протягивая «АК-103» и разгрузку. – Держи, рюкзак в кузове.

– Спасибо, – растерянно поблагодарил тот, набрасывая жилет. – На твоём поезде?

– Я веду, ты стреляешь, – коротко ответил Макс. – Пулемет возьми.

Грузовик зарокотал мощным движком и покатил вдоль западной стены, между бараками и избами. Количество нападавших, судя по всему, росло. Прерывистые поначалу, пулеметные очереди теперь не стихали ни на секунду. В расколотое боковое зеркало Стас видел, как громадные фигуры неспешно вышагивают позади, поливая огнем бараки. То тут, то там на глаза ему попадались люди, прячущиеся под крыльцом, боязливо жмущиеся к стенам. Некоторые держали в трясущихся руках топор или просто кухонный нож, другие же были способны лишь крепче обхватить собственную голову и скулить от ужаса, забившись в темный угол. Двух женщин, бегущих в одном направлении с грузовиком, на глазах у Стаса срезало очередь. Пули вошли им в спину и вышли через грудь, вынося с собой облако кровавых брызг. Мальчугана лет двенадцати, перебегающего от дома к дому, неожиданно оторвало от земли и швырнуло на стену барака. В этот раз кровавое облачко полетело уже в другую сторону.

– Черт! Макс, дело плохо, – громко, пытаясь перекрыть пулеметную трескотню и рокот двигателя, проорал Стас. – От северных ворот тоже стреляют.

– Будем прорываться, – проревел Макс в ответ. – У нас нет другого выхода. Попробуем раздавить гадов. Как увидишь – стреляй.

Грузовик свернул вправо, между домами, выходя на прямую для разгона. Что-то мелькнуло перед капотом. Стас крикнул, но было уже поздно. Чье-то тело, пережеванное колесами, катилось позади в клубах пыли.

Машина выскочила напрямую метров за семьдесят до ворот. Те оказались открыты на всю ширину, что было весьма кстати. Справа, уткнувшись в развороченное крыльцо барака, полыхал тягач, принадлежавший, видимо, семейству Гринбергов. Рядом с ним два чудовища увлеченно расстреливали людей, выбегающих из горящих бараков. Стас приложил пулемет поудобнее и дал длинную очередь в спины тварям. Он отчетливо видел, как пули ровной полосой прошли по гадам, вспоров плечо одному, а второму пробив шею чуть ниже затылка. Раненный в плечо даже не обратил внимания на эту «царапину», а второй стрелять перестал, но лишь для того, чтобы развернуться и дать с двух «ПКМ» очередь по обидчикам. Развороченная челюсть, расплескивающая во все стороны кровавую слюну, его, похоже, совсем не беспокоила. Тяжелый грузовик уже набрал ходу, и очередь, пущенная вдогонку, лишь изрешетила правый борт, никого не задев.

– На, бля! – неожиданно заорал Максим, и Стаса по инерции качнуло вперед от удара. – Раздавил суку!

Грузовик вылетел из ворот и на полном газу понесся через поле, наобум, без фар. Макс напряженно всматривался в дорогу, пытаясь угадать, где будет следующая колдобина. И вдруг огромная ручища обрушилась спереди на капот. Стас от неожиданности подпрыгнул и ударился головой о потолок кабины. Вслед за рукой показалась и морда – ободранная, разбитая и чертовски злая. Безумные желтые глаза вперились в Макса, а губы растянулись в натуральном зверином оскале, обнажив короткие, но мощные клыки.

– Блядь! До чего же живучая хрень! Стас, сними его!

Стас просунул ствол пулемета через сетку, заменяющую лобовое стекло, и нажал на спуск. Вся очередь ушла точно в голову монстра, размолотив огромный череп на куски. Капот залило кровью с землисто-серыми вкраплениями мозга. Вид крови почему-то успокоил Стаса. Возможно, потому, что она была такая же красная и жидкая, как и у людей.

– Сдохла тварь, – констатировал Макс, глядя в зеркало и тут же неожиданно резко вывернув руль вправо. – «РПГ» сзади!!!

Стас назад посмотреть не успел. Грузовик подбросило, перед глазами все пошло кругом и потемнело.

Глава 2

Деревья возникают прямо из мрака и несутся навстречу, прыгая и раскачиваясь из стороны в сторону. Злые черные деревья. Растопырили свои кривые ручищи-ветки, хотят схватить... хотят разорвать, раздавить, расшвырять по лесу кровавые ошметки мяса, намотать кишки на свои гнилые сучья. И только какая-то неведомая сила спасает, вовремя отводит в сторону, не дает этим черным узловатым тварям растерзать, поглотить, впитать...

– Стас, мать твою, шевели ногами!

Голос Максима гулким эхом отзывается в голове, словно там пусто, пусто и стерильно чисто. Лишь безумные лихорадочные образы проносятся в этом темном вакууме, пульсирующем горячей болью. Шевелить ногами... Зачем? Куда? От кого? Тени... темные, густые, вязкие тени пляшут среди деревьев, хватают своими липкими пальцами, держат, держат, не пускают... тяжело...

– Стас, очнись!

Плывет... все плывет в мутном грязно-розовом киселе, вращается... тонет, тонет...

Резкое и звонкое дребезжание прокатилось по голове, переходя в звон сотен серебряных колокольчиков. Щеку обожгло. Обволакивающая кисельная муть стала быстро отступать. Стас открыл глаза, и из темной синеватой пелены прямо перед ним возник силуэт высокого, крепкого человека на фоне предрассветного неба. С каждой секундой силуэт становился все четче, обретал мелкие детали – складки одежды, приклад пулемета за плечом, уши, плотно прижатые к обритой голове. И вдруг позади первого силуэта возник второй, материализовался из тьмы, вырос и грозно навис сверху. Громадный, чудовищный: бычья шея, плечи-валуны, руки-сваи... Он рос, рос... Первый силуэт растаял в нем, впитался, исчез.

Вспышка. Снова серебряный перезвон в голове. Перед глазами все прыгает, мелькает лицо Макса.

– Ядрена вошь, да очнись же ты! – зло процедил Максим сквозь зубы, тряся Стаса за плечи.

– Все, все, хватит, – захлопал тот глазами, хватая Макса за руки. – Я в норме, в норме...

Стас приподнял голову и огляделся. Черные деревья, которые так настойчиво пытались с ним разделаться в кошмарном бреду, сейчас тихо стояли вокруг небольшой поляны. Небо уже заметно просветлело, последние звезды тускло мерцали, на секунду выглядывая из-за облаков и тут же ныряя обратно в серую неприветливую мглу.

Голова раскалывалась. Стас потрогал рукой затылок, поднес ладонь к глазам и увидел на ней кровь.

– Это тебя щепками от кузова зацепило, когда по нам из «РПГ» шмальнули, – пояснил Максим, не дожидаясь вопроса. – Я посмотрел – ничего серьезного, царапина.

– Где мы?

– А сам-то как думаешь? – Максим сделал удивленное лицо. – В лесу, разумеется. Я тебя километров десять на себе пер по этим буеракам, да еще и шмотье все тащил, чуть не сдох.

– Спасибо. С меня причитается, – поблагодарил Стас и попытался сесть.

В спину упиралось что-то жесткое, и от этого поясница заныла тупой давящей болью. Отклонившись вперед, он пошарил за спиной и обнаружил там свой рюкзак. Стас сел на корточки, поставил рюкзак перед собой и тупо уставился на него, разглядывая дыры, прожженные в плотной ткани защитного цвета.

Макс уселся рядом, поднял с земли кривую черную ветку и с задумчивым видом принялся вычерчивать на земле одному ему понятные символы.

– Машину жалко, – начал он упавшим голосом. – Столько добра пропало. Так хорошо шло, и на тебе – все коту под хвост. А я-то уже размечтался, думал – сейчас до Муррома доберусь, хабар скину, а потом можно будет отдохнуть недельку-другую. Бухло, бабы, жратва нормальная. А тут вдруг такая лажа. Хорошо, что ты оклемался, а то я уж начал переживать, думал, тебя всерьез контузило.

– Как считаешь, кто они? – Стас взглянул на Максима, тот неопределенно пожал плечами.

– Не знаю. Может, мутанты? Хотя... Я за свои тридцать два года мутантов перевидал достаточно, но таких... Таких впервые вижу. Они ведь обычно убогие все, больные да немощные. У кого башка как арбуз здоровая, а сам словно щепка, у кого – рука третья где-нибудь за ухом болтается, другого согнет всего, перекобочит... А однажды, слышь, – Максим легонько толкнул Стаса локтем и криво усмехнулся. – Я бабенку одну встретил, так у нее сиськи разного размера были. Правая маленькая такая, неприметная, зато левая, – он широко открыл глаза и изобразил обеими руками в воздухе какую-то объемную фигуру грушевидной формы. – Как здоровенный баклажан, в натуре. И потом – муты ведь разные все, кого чем судьба наделила или... обделила. А эти как на подбор. Здоровенные твари. Не братья-близнецы же они. А то хотел бы я на их мамочку посмотреть.

– Старшие братья, – как-то само собой вырвалось у Стаса.

– Чего?

– А? Ничего, это я так – мысли вслух.

– Интересно, еще кто-то из Кутузовского выбрался?

Стас ничего не ответил. Ему почему-то совсем не хотелось сейчас об этом думать. Вообще ни о чем думать не хотелось. Он лег на землю, подложил руки под голову, стараясь не задевать рану на затылке, и закрыл глаза. Несмотря на все перипетии прошедшего дня и ночи, Стас почти моментально провалился в сон. Организм требовал отдыха, и мысли о сотне человек, цинично расстрелянных в стенах форта Кутузовский, не могли ему в этом помешать.

Разбудил Стаса весьма грубый пинок ботинком в область ребер. Он вскочил и, еще не до конца открыв глаза, стал шарить по сторонам в поисках автомата. Автомат оказался на месте, справа, там, где ему и положено. Рука машинально передернула затвор, и на траву упал патрон, блеснув своей зеленоватой гильзой.

– Бля.

– Тшшш. Спра-ава-а, в ку-уста-ах, – по-змеиному прошипел Макс и указал стволом «Печенега» на темные заросли колючего кустарника, торчащие метрах в тридцати от поляны.

Стас потер кулаками глаза и стал, щурясь, всматриваться в неприветливую темно-серую чащобу. На первый взгляд все было нормально. Кусты как кусты – колючие, густые, стоят себе неподвижно. Но нет, что-то все же не так. С трудом привыкая к свету, Стас постепенно начал различать в кустах еле заметное движение. Нечто большое и черное медленно, бесшумно перемещалось среди хитросплетения тонких шипастых веток.

– К нам идет, – прошептал Максим. – Надо подпустить поближе, чтобы наверняка. Стреляй после меня.

– Понял.

Черная тень ртутью выплыла из зарослей и, описывая зигзаги вокруг деревьев, стала стремительно приближаться к поляне. Волколак полз на брюхе, задрав длинную клыкастую морду. Крупный, раза в два больше матерой собаки зверь, напоминающий громадного волка. Густая шерсть черным саваном окутывала поджарое тело. Матовая, она почти не отражала свет, из-за чего создавалось впечатление, будто среди мокрых веток, поблескивающих капельками росы, перемещается сгусток тьмы с размытыми контурами. Маленькие

белые кругляшки незрячих глаз уставились в небо. Треугольные уши, широкие и чрезвычайно подвижные, безостановочно поворачивались из стороны в сторону словно эхолокаторы, улавливая малейшие шумы и безошибочно их идентифицируя. Влажные ноздри на вздернутой мочке носа раздувались, жадно всасывая воздух, отфильтровывая молекулы запаха: сырые ветки и гниющие листья, кора деревьев, пожухлая трава, разлагающаяся тушка полевки в дупле, перья совы вокруг нее, заячий помет, человеческий пот, порох, кровь... Нос зверя анализировал их миллионами рецепторов, чтобы послать информацию дальше – в мозг. А там уже вырисовывалась детальная картина невидимого мира. Зверь чувствовал впереди двух человек. Он почуял их уже давно, километра за три от этого места. Резкий запах адреналина заводил его. Аромат страха усиливался, зверь понимал, что добыча видит его, она боится, выжидает, не решаясь предпринять что-либо, скованная ужасом. Ближе, ближе... Щелчок.

Максим нажал на спуск. Короткая очередь раздолбила ствол дерева, перед которым только что сгруппировался для прыжка волколак. Стас выстрелил следом, но зверь молниеносно отпрыгнул, и все три пули ушли в землю.

– Слева! – прокричал Стас, но второй раз выстрелить не смог, потому что Максим невольно загородил цель собой.

Темное пятно с оскаленной пастью прыгнуло из кустов так неожиданно, что Макс успел только выдохнуть и сделать шаг назад. Это его и спасло. Нога зацепилась за брошенный рюкзак, и Максим, потеряв равновесие, повалился на спину. Пулемет, удерживаемый одной только правой рукой, приземлился на приклад, вертикально, стволом вверх.

Зверь пролетел пару метров и уже раскрыл челюсти, целясь в горло жертве – чуть ниже того места, откуда вырывалось ее тяжелое сиплое дыхание. Предвкушение теплой крови приятно щекотнуло его нервы. И тут... удар. Что-то тупое и твердое больно воткнулось в грудь, раздвинув ребра.

Вязкая зловонная слюна брызнула Максиму в лицо. Черные губы животного вдруг расслабились, и оскал сменился гримасой удивления. Да. В тот момент Макс готов был поклясться, что видел удивление на звериной морде. Даже слепые мутно-белые глаза расширились в немом вопросе. Максим глядел в них, не в силах оторваться, а палец давил на спуск. Кровавый фонтан с ошметками шерсти ударил из спины волколака. Практически одновременно с этим громадная черная голова разлетелась на части, заплескав все вокруг своим содержимым, – это Стас поймал зверюгу в прицел. Туша животного отлетела в сторону и со смачным чваканьем упала на землю.

– Сука! – зло бросил Макс, вставая на ноги и вытирая рукавом с лица кровь, смешанную с липкой слюной.

– Действительно, – подтвердил Стас, приподняв мертвое тело волколака за заднюю лапу. – Сука. Приглянулся ты ей, видать. А, Макс?

– Иди в жопу, – наигранно огрызнулся Максим и тут же расплылся в улыбке.

– Жаль, шкуру испортили, – сказал Стас, указывая стволом на здоровенную дыру в спине зверя.

Еще теплое мясо испускало пар в прохладный утренний воздух.

– Да хрен с ней, со шкурой, – махнул рукой Максим. – Хорошо, что сами не испортились.

– И то верно. Что дальше делать думаешь?

– Сам не знаю. Хотел в Муром наведаться, хабар знакомому барыге закинуть, монетами разжиться, да, видать, не судьба.

– А далеко отсюда до Мурома?

– Ближе совсем, за день доберешься. А что у тебя там, дела какие есть?

– Пока нет, но, может, подвернется чего.

– Я бы на это не рассчитывал. Там нашего брата не очень-то жалуют.

– А что так?

– Ну, цивилизация, епть. У них свои силы правопорядка. На каждом углу только и поучают: пушку сдай, туда не ходи, сюда не ходи, тут не ссы, там не плюй. Ну их на хер. Я с тобой, пожалуй, до стены дойду, а там с первым же обозом на север подамся. На севере сейчас, говорят, заварушка намечается, может, и для меня место найдется.

Путь до Муррома занял практически весь день. Вначале им пришлось сделать неслабый крюк, чтобы снова выйти к железке. Огни смотровых вышек показались из-за леса уже затемно. Часам к девяти вечера железнодорожная насыпь довела Стаса и Максима, заметно подуставших к этому времени, до первого поста.

– Стоять! – раздался чей-то голос, и в лицо путешественникам ударил луч прожектора. – Кто такие?

– Ну вот, бля, началось, – пробубнил Макс, прикрывая рукой глаза.

– Что? Громче говори, – донеслось откуда-то из темноты.

– Мы проблем не добавим, – взял слово Стас. – Хотим найти место, где можно было бы переночевать.

Через пелену света проступили очертания человека, и его темная фигура начала приближаться.

– Явление Христа, – тихонько пошутил Макс, но «Христос» это, видимо, расслышал.

Высокий худощавый человек в черной куртке с «АКСУ» на плече подошел к нему вплотную и весьма грозно заглянул Максиму в глаза. Однако из-за разницы в росте устрашающий эффект немного смазался.

– Откуда идете? – вкрадчиво поинтересовался «Христос».

– Из Красного, – ответил Стас, как и было условлено заранее.

– Я разве к тебе обращаюсь? – сухое жилистое лицо повернулось к Стасу и скривилось в выражении крайнего недовольства.

– Из Красного, – подтвердил Максим. – Так лучше?

– Да, значительно лучше. Чем в наших краях интересуетесь?

– Работой мы интересуемся, деньгами, – добродушно ответил Максим. – Не подсобишь?

– Есть, есть у меня работа, – внимательно разглядывая брутальную физиономию собеседника, задумчиво, нараспев выговорил проверяющий. – Особенно для тебя. Я вот подумал – при твоем-то остром языке, может, ты мне им жопу побреешь?

Стас услышал, как щелкнул предохранитель на «АКСУ», и поспешил вмешаться в разгорающуюся ссору.

– Бойцы, давайте успокоимся. Все устали, все нервничают – это понятно. Не будем портить друг другу настроение еще больше. У вас вот, наверное, смена уже скоро заканчивается, – обратился Стас к проверяющему, у которого уже начал подергиваться подбородок. – Зачем же поганить себе остаток этого прекрасного вечера нелепой ссорой? – в его раскрытой ладони блеснула серебряная монета. – Разойдемся миром?

«Христос» глянул на монету, на Стаса, еще раз негодуяще зыркнул в каменное лицо Максима, молча пожал с выражением крайнего высокомерия протянутую руку, и монетка переключивалась к своему новому владельцу.

– Серега, чего там у вас? Проблемы? – донеслось из-за прожектора.

– Нет, нормально все, пропусти.

Стас с Максимом прошли за железнодорожный шлагбаум, мимо будки дежурных, и направились прямо по темной безлюдной улице.

– Ты чего творишь? – обратился Стас к своему принципиальному попутчику, отойдя от кордона на достаточное расстояние. – Что за выебоны? Смерти нашей хочешь?

– Да ладно тебе, – отмахнулся Макс. – Многовато этот козел о себе мнит. Надо было ему морду начистить, а не денег давать.

– Бля, Макс! Тебя что, та волчара напугала до потери рассудка? Это же кордон. Какое мордобитие? Они же нас на месте положили бы.

– Кордо-он, – нарочито протянул Макс и усмехнулся: – Там сидит-то три калеки от силы. Да это вообще дозорный пост, а не кордон. Пидоры! Вот говно всякое из грязи повылезает и давай начальников изображать. А ты ведешься на это, тем самым давая им дополнительную мотивацию к противоправным действиям.

Стас аж рот открыл от потрясения.

– Однако...

– Да, не все же тебе одному языком чесать, – парировал Максим, гордо подняв голову. – Давай-ка я лучше про достопримечательности местные расскажу. Ты ведь в Муроме не был до этого?

– Не был, рассказывай.

– Посмотри направо. Это остатки локомотивного депо. Внушительное сооружение, да? Тут вообще до стены кругом все железнодорожное. Раньше в Муроме железная дорога вроде как одним из градообразующих предприятий была. Мы сейчас с тобой налево свернули, а если по насыпи дальше идти, то там еще цеха ремонтные, путей до черта, на них еще до сих пор поезда стоят, хозяйственные постройки всякие, диспетчерская, вокзал. А если назад пойти, через переезд, то там цеха стрелочного завода будут. Стрелки железнодорожные делали раньше.

– А вокзал действует еще? – с трогательной надеждой в голосе поинтересовался Стас.

– Ты с дуба рухнул? Нет, конечно. Ну, ходит от него дрезина в сторону Навашино, вроде, но билеты больше не продают, если ты об этом. А здание само вокзальное в Муроме красивое, до сих пор. На крепость похожее. Да и применение у него, в общем-то, такое же – крепость. Черти эти муромские там целый аванпост развернули. Все дела – пулеметы, вышки, колючка. Говорят, даже минное поле организовали за путями.

– Это от кого?

– Да они сами не знают от кого. Местный глава – параноик конченный, ему враги на каждом шагу мерещатся. Я с чуваками на вокзале как-то беседовал, так они говорят, что пострелять удается пару раз в месяц. По собакам. Прикинь? Народ там от безделья с ума сходит, а глава этот – как его?.. – Грецук, все продолжает вокзал под крепость переоборудовать.

– Может, навашинских боится? – предположил Стас.

– И их тоже. Он на мосту железнодорожном через Оку знаешь какую оборону организовал? О-го-го! Мышь не проскочит, бронепоезд не прорвет.

– Бронепоезд?

– Ну да, поговаривают. Хотя я сам не верю, брехня все это. Если бы у них бронепоезд имелся, то они бы уже давно тут шухер навели. А Грецук вот верит. У него, говорят, мечта есть – железку восстановить, хотя бы километров сорок на запад, и столько же в сторону Коврова, да пустить там по собственному бронепоезду с орудиями башенными, чтобы все подступы контролировать.

– Ну а что? Весьма дальновидно.

– Дальновидно?! Станислав, ты меня поражаешь. Тебе годков-то сколько?

– Двадцать восемь.

– Вот ведь. Двадцать восемь лет, а ума нет. Да ему, вместо того чтобы херней всякой заниматься, надо бы лучше народ электричеством обеспечить. Три электроподстанции работают, а света не только здесь, под стеной, нет, – Максим широким жестом обвел прилегаю-

щую темную территорию. – Его даже внутри периметра на всех не хватает. А почему? Да потому, что добрую половину всего электричества прожектора сжирают. Вон, видишь? Аж в небе зарево.

– Так уж и половину? – недоверчиво поинтересовался Стас. – Они же только по ночам светят.

– Может, и не половину. Ладно. Может, загнул я слегка. Но только слегка. А в целом я прав. Ты чего его защищаешь вообще, Грецука этого? Ты его знаешь, что ли?

– Нет, не знаю.

– А я знаю, так что не спорь, – Макс задумался и почесал лысый затылок. – Сбил ты меня с темы. Я же про достопримечательности рассказывал. Мы с тобой сейчас идем как раз мимо очень примечательных строений. Вон, посмотри. Домульки видишь одноэтажные слева? Их, говорят, еще под руководством самого фон Мека строили, был такой дядька давным-давно, Горьковскую железную дорогу прокладывал. И посмотри ж, ничего, стоят себе до сих пор. Да, умели тогда строить.

Стас взглянул налево, но среди зарослей заброшенных палисадников сумел рассмотреть только фрагменты стены закопченного красного кирпича. Из пяти домов, угадываемых лишь по очертаниям крыш, только в двух горел свет. Неверные языки огня разбрасывали вокруг себя тени, которые плясали на дырявых занавесках, будто радуясь всеобщей убогости.

– Почему народу здесь так мало? – спросил Стас после небольшой паузы.

– Трусоват народ потому что. Все к стенам жмутся, к цивилизации поближе. Ютятся там в вонючих лачугах, а здесь такие дома шикарные пустуют. Прямо хоть сам селись, – усмехнулся Макс.

– Что ж не поселишься?

– Чур меня! Я пошутил, а ты и... Не мое это. Что я тут делать буду?

– Да хоть бы и на вокзале дежурить. Сам же говорил, что работа плевая.

– Вот ты и дежурь, коли охота. А я тупостью всякой заниматься не привык и приказы мракобесов исполнять не намерен.

Неожиданно на дорогу из кустов выскочила собака, замерла на секунду, блеснув желтыми глазами, и бросилась прочь. Максим уже потянулся к пистолету, но передумал.

– Вот твари. По всей округе кишат.

– Да их везде полно, – ответил Стас. – Я когда из Красного шел, даже в лесу на них наткнулся.

– По лесам стайки мелкие бегают. А тут их армия целая. В депо и цеха ремонтные без огнемета вообще лучше не соваться. Это так, на всякий случай говорю, если вдруг появится у тебя желание экскурсию себе устроить. Они в основном на крыс тут охотятся, даже пользу в некотором роде приносят, но при случае и человечинкой не побрезгуют. Смышленные отродья. В этом районе несколько больших стай живут, периодически грызутся между собой. Все как у людей. А уж что в районе старого элеватора творится – вообще словами не передать. Просто ужас. Его даже в периметр включать не стали. Когда стену возводили, решили, что будет лучше крюк сделать и от элеватора этого проклятого отгородиться.

– А что там такое?

– Там, Станислав, ад. Исконная, так сказать, вотчина крыс и собак. Их резервация. Здесь собаченции хоть и наглые, но людей все же побаиваются, уважают в некотором роде, – Максим усмехнулся и ласково провел ладонью по пулемету. – А там... там мы не хозяйева. Мне один знакомый рассказывал, что когда с хлебокомбината, который по соседству с элеватором, оборудование хлебопекарное вывозили лет пятьдесят назад, пришлось сначала танк огнеметный туда загонять, чтобы живность отпугнуть на время хотя бы. Оборудование

вывезли, но потеряли больше двадцати человек. А танк этот там до сих пор так и стоит – экипаж погиб.

– Ни хрена себе. Да это байка небось, – недоверчиво покосился Стас.

– Байка? Ну-ну. Байка... Ты крыс тамошних не видел. Это не крысы, это крокодилы, бля, только помельче. В любую щель пролезут и башку отгрызут кому угодно. Эволюция...

Оба ненадолго замолчали, задумавшись о чем-то своем. Тем временем дорога вывела их на перекресток, прямо за которым высился темной громадиной полуразрушенный кирпичный пятиэтажный дом, освещенный редкими огоньками костров на верхних этажах. Справа чернела непроглядная мгла заброшенного сквера, а слева уходила вдаль прямая дорога, окаймленная с обеих сторон рядами высоченных тополей.

– Нам туда, – показал Максим рукой на аллею и уверенно зашагал в выбранном направлении. – Слева от нас центральная районная больница. Центральная, – усмехнулся он. – Представляешь себе, больницу построили на отшибе, а рубероидный завод – в центре? Ну не дауны? Да, бля, видимо, мутантов и до войны хватало. Про больницу эту тоже слухи всякие паршивые ходят. Вроде как с новорожденными там что-то связано, – Макс брезгливо покосился в сторону громадного серого здания, огороженного панельным забором.

– Удивляюсь, – задумчиво произнес Стас. – Как при таком жутком соседстве на дозорном посту по ночам дежурит всего три человека? Они там что, под транквилизаторами все?

– Ух, нашел героев. Чего им там бояться-то особо? Собаки подойдут чересчур близко? – Максим сделал страшное лицо и направил в сторону Стаса руки с пальцами, скрюченными на манер когтей: – У-у-у, страшные собаки. Ну и что? Запрутся в своей будке да перестреляют их через решетку. Прочие твари сюда не ходят. А уж если они рейдеров заметят, чего тут в последние несколько лет не случилось, так будь уверен – бросят все и домчатся до стены быстрее пули. Их основная задача – на тревожную кнопку нажать в случае чего. А дальше уже дело ребят из-за периметра.

– А что, крутые ребята?

– Не знаю, счастья схлестнуться с ними не имел. Но вооружены они достойно, да и экипированы богато, внушают уважение. Кстати, направо сейчас посмотри. Видишь здания за забором? Это тепловозоремонтный завод имени Дзержинского. Некогда самое крупное предприятие в Муроме. Мы его сейчас обогнем, а там еще метров триста по прямой, и будем у стены.

Тополиная аллея закончилась, и, повернув направо, Стас увидел вдалеке ослепительно белые точки прожекторов. Они располагались на разном уровне, некоторые из них оставались неподвижными, светя в основном на дорогу, другие, медленно поворачиваясь, освещали ветхие домишки вдоль улицы, по которой сейчас шли Стас с Максимом, забор, здания тепловозоремонтного завода и вообще все, до чего могли дотянуться.

Жилье рядом со стеной было хоть и ветхим, но обжитым. Практически в каждом доме окна светились, на улице все чаще попадались люди, в основном пьяные и празднующиеся. Время от времени раздавалось ржание лошадей, какие-то неразборчивые крики, ругань.

– Тут много отребья всякого ошивается, – предупредил Максим. – Так что ты лучше будь поосторожнее. Я сейчас в местную гостиницу пойду. Ты как, со мной?

– Разумеется, не под забором же мне спать.

Оба свернули налево с широкой улицы и пошли к гостинице по узенькой дорожке, петляющей между домами. Макс шел весьма уверенно, хотя Стас совершенно не мог понять, как можно ориентироваться в этом хаотичном нагромождении всевозможных халуп, покосившихся оград, сараев и жалких подобию палисадников.

– Господин, Христа ради, подайте на хлебушек, – жалобно проскулил невесть откуда взявшийся попрошайка и почти повис у Стаса на руке, вцепившись в куртку. – Хоть что-нибудь, пожалуйста.

Стас от неожиданности даже немного растерялся. Но тут сильная рука схватила настырного просителя за шиворот и весьма немилосердно встряхнула его.

– Карманы проверь, – пробасил Макс.

Стас ощупал свои карманы и, удостоверившись, что все на месте, утвердительно покивал головой.

– Пшел отсюда, – снисходительно бросил Максим и отвесил попрошайке увесистого пинка. – Ворье.

– Мрачно тут, – посетовал Стас. – Я не так давно в Коврове был, тоже вроде не маленький город, но там как-то...

– Почище, – подсказал Максим. – Да, знаю. Но Ковров – это провинция. Там все... ну, почти все бедные, оттого и чистые. А здесь, за той стеной, немало народа состоятельного. Есть торговцы, промышленники, чиновники, ну и обслуга всякая, без нее никуда. А под стеной, сам понимаешь – чернь и отбросы, те, кого даже на завод вкалывать не возьмут. Пьянь, лентяи, инвалиды. Делать они ни черта не умеют да и не хотят, вот и жмутся к стенам, авось чего перепадет из объедков. Так всегда и везде – где есть очень богатые, обязательно будут и очень бедные. Хотя и на этой помойке одного достойного человека я знаю. Это владелец гостиницы Валя Бережной. Вот такой чувак, – Макс вытянул большой палец и энергично потряс кулаком. – Я тебя с ним познакомлю.

– Валя? – Стас удивленно округлил глаза.

– Да.

Здание гостиницы представляло собой трехэтажное бревенчатое строение весьма немалых габаритов и отчетливо выделялось на фоне окружающей убогости. Стояло оно недалеко от стены, что, несомненно, являлось знаком высокого статуса его владельца. Стас довольно быстро заметил – чем ближе дом к стене, тем он богаче и ухоженнее, если такие термины вообще были применимы к здешним постройкам. Вдоль западной и северной стен гостиницы тянулась пристроенная конюшня, откуда доносилось ржание лошадей, тянуло овсом и конским потом. У крыльца стояла какая-то хмурая личность с пивным брюхом и грязной нечесаной бородой. На плече у личности весел помповый дробовик.

– Здорово, Степан! – поприветствовал пузана Макс и обменялся с ним крепким рукопожатием. – Как жизнь молодая?

– Живой пока, – угрюмо ответил Степан и поскреб щеку черными обглоданными ногтями.

– Познакомься, Стас, – Максим чуть не силком подтащил Стаса, которому так же пришлось пожать грязную Степанову клешню. – Хозяин у себя?

– А где ж ему еще быть-то? За стойкой.

– Ну, давай, утром поболтаем еще.

Стас проследовал за Максимом внутрь и очутился в довольно уютном помещении, ярко освещенном керосиновыми светильниками. Это, судя по всему, была регистратура. За стойкой сидел пухлый лысоватый мужичок лет сорока пяти. Его румяные, гладко выбритые щеки лучше всякой неоновой рекламы говорили: «Посмотрите – я здоров, бодр и успешен. В моем заведении вам будет спокойно и уютно». Впрочем, неоновой рекламы над входом все равно не наблюдалось.

Как только благополучный мужичок заметил в дверях Максима, то тут же вскочил, отбросив в сторону толстенную книжку, и, чуть ли не подпрыгивая от радости, побежал ему навстречу.

– Здравствуй, здравствуй, Максимушка, здравствуй, дорогой, – раскатистым баритонном пропел толстячок. – Сколько лет, сколько зим.

– Здорово, Валюха! Все жируешь? – Макс добродушно потрепал толстячка по щеке.

– Да какое там? Сам ведь знаешь, какие времена нынче.

– Ладно, ладно, не прибедняйся. Как жена, дети?

– Слава богу, тьфу-тьфу-тьфу. А что же ты не познакомишь меня со своим другом?

– Станислав, – снова представил Максим, и Стас пожал Валентину мягкую ладошку.

– Очень приятно. Валентин. Желаете у нас остановиться?

– Да, на ночку, если не возражаешь, – ответил Макс.

– Что ты такое говоришь? – развел Валя руками. – Возражаю ли я? Как можно? Ты и твои друзья для меня самые дорогие гости. Вот, – толстячок протянул Максиму ключ. – Двенадцатый, люкс. Чувствуйте себя как дома. Утром вам принесут завтрак, а потом мы с тобой уж и поболтаем как следует.

– Спасибо тебе, Валь. Ты уж извини, но мы и правда подустали с дороги.

– Давай, давай, давай, – похлопал толстячок Максима по спине, провозая к лестнице наверх. – Завтра все-все обсудим.

Подойдя к номеру, Максим огляделся вокруг и жестом подозвал Стаса.

– Я понимаю, – прошептал он. – Валя... это... немножко странный, но ты не подумай, он нормальный мужик, не пидор.

– Да упаси боже. Ничего такого мне и в голову не пришло, – соврал Стас.

Комната действительно оказалась вполне приличной: с двумя кроватями, тумбочками, шкафом, столом и стульями. Даже более того – здесь был настоящий душ. С теплой водой! Стоя под приятно щекочущими тело струями и смывая многодневную грязь, Стас действительно начал проникаться симпатией к этому гостеприимному толстячку с нежным именем Валентин.

– Макс, слушай, я немного не понял, а как насчет оплаты за апартаменты? – поинтересовался Стас, выходя из душа.

– Не переживай. Валя мне кое-чем обязан, так что...

Стас охотно последовал этому совету. Переживать о чем-то сейчас, после душа – нет. Он упал на кровать, уткнулся носом в чистую, мягкую подушку с накрахмаленной наволочкой и заснул, думая о том, как же хорошо, что есть еще на свете люди, помнящие о своих долгах.

Глава 3

Утро выдалось хмурым. За окном моросил пакостный мелкий дождичек, превративший немощные улочки вокруг гостиницы в грязное месиво.

Стас сидел на кровати, смотрел в окно и с аппетитом поглощал недавно принесенный завтрак, состоящий из яичницы с беконом, черного хлеба и стакана молока. Максим свою порцию уже успел оприходовать и спустился вниз «перетереть с Вале́й». Отчаливать на север он собирался ближе к полудню, посему Стас решил не мешать душевной беседе старых знакомых, а вместо этого выйти из гостиницы и осмотреться.

Набросив плащ и прихватив на всякий случай автомат, Стас спустился вниз, коротко поприветствовал Валентина, который о чем-то увлеченно рассказывал Максиму, сидящему рядом за столиком, и вышел на улицу.

При дневном свете муромские трущобы выглядели еще плачевнее. Дождь и глиняное месиво под ногами органично дополняли гнетущую картину, и настроение у Стаса как-то сразу испортилось. Он уже начал подумывать о том, чтобы повернуть назад и поваляться еще часика полтора-два на кровати в уютном гостиничном номере, но все же сумел себя перебороть и самоотверженно направился осматривать окрестности.

Лачуги Стаса мало интересовали, ему любопытно было взглянуть на город или хотя бы на городскую стену, которая скрывала за собой лучшую жизнь. От гостиницы стены видно не было, но направление он запомнил и, повернув от крыльца налево, пошел вдоль мокрых и, казалось, даже пахнущих сыростью домишек к цели своей экскурсии.

Узкие тропинки петляли между постройками, недовольно похрюкивали в сараях замерзшие свиньи, надрывно орал чей-то ребенок, маленькие халупы сменялись халупами побольше. И чем дальше, тем сильнее нарастал гул. Сначала он был слабым, едва различимым на фоне дождя, но вскоре стали слышны отдельные звуки – скрип телег, ржание лошадей, крики, урчание моторов.

Вдруг скопище убогой серости пригородных трущоб расступилось, и перед Стасом возникла картина поистине эпического размаха. Широкая дорога разделяла город и пригород, а по ней двигались ряды всевозможных машин и повозок, целые караваны. Одни шли от ворот, другие – к воротам. Коровы, лошади, грузовики, чадающие копытю, – вся эта пестрая разнородная масса бурлила, переливалась, жила своей коллективной жизнью. А надо всем этим возвышалась она – Стена Города Муром.

Стас сразу невольно представил себе, как будет смотреться стена ныне почившего форта Кутузовского на фоне этого циклопического сооружения, и тут же нашел подходящее определение – «жалко». Около двенадцати метров в высоту и черт знает сколько километров в длину, муромский рукотворный монстр, казалось, впитал в себя все, что только способны были принести ему в жертву люди. Кирпич и камень, рельсы, железобетонные сваи и плиты, громадные куски металла, вырезанные, судя по всему, из вагонов, – ничего не пропало без дела. Вместо неременной в таких постройках колючей проволоки поверху этого чудовища тянулась труба с шипами, торчащими из нее во все стороны.

Ворот Стасу видно не было, только небольшое возвышение правее по стене указывало на их наличие. Ему захотелось немедленно собственными глазами оценить это инженерное чудо. В том, что ворота такой стены должны представлять собой нечто экстраординарное, Стас не сомневался. Однако, взглянув на часы, он решил повременить с продолжением экскурсии. Стрелки показывали уже половину одиннадцатого, и скоро Максим должен был покинуть здешние места в поисках лучшей доли на севере. Расставаться, не попрощавшись, Стасу не хотелось, и он пошел к гостинице.

Внизу Максима не оказалось, и Стас решил подняться в номер. Но и там было пусто. Рядом с кроватью стоял его рюкзак, вещей Макса не было. Сделалось даже немного обидно. Знакомы они были всего пару дней, но уж попрощаться-то труда особого не составляет, тем более что до полудня еще далековато.

Стас вздохнул, закинул рюкзак за спину, запер номер и пошел сдавать ключ. Он спустился по лестнице, подошел к стойке, но Валентина на месте также не обнаружилось. И тут из-за двери слева послышался знакомый раскатистый хохот.

– Да, да. Ты еще скажи, что не поверил, – из комнаты за стойкой появился Максим в сопровождении весело хихикающего радушного хозяина. – О, Стас! А я уж испугался, что больше не увидимся. Ты куда свинтил-то?

– С достопримечательностями знакомился, – ответил тот и положил ключ на стойку.

– Ну и как оно?

– Впечатляет.

– До стены дошел?

– Ага.

– А вам известно, что стену эту начали строить тридцать пять лет назад и что до сих пор около двух километров остаются недостроенными? – обратился к Стасу Валентин.

– Нет, я не знал. Интересно.

– Ну, ладно, Валя, спасибо тебе за приют, за новости, – Макс пожал Валентину руку. – Буду еще в ваших краях – загляну.

– Непременно заходи, всегда рад видеть, – расплылся в улыбке Валентин.

– Стас, идем, побазарить надо, – сказал Максим и вышел за дверь.

Стас сдержанно поблагодарил Валентина за гостеприимство, попрощался и вышел следом.

Отойдя от гостиницы на некоторое отдаление, чтобы разговор не был слышен охраннику, Максим остановился.

– Я это... о чем поговорить-то хотел, – начал он слегка неуверенно. – Ты, если все же за стену проберешься, о заварухе в Кутузовском не особо распространяйся. Да и здесь тоже незачем болтать. Ну а если совсем уж невмоготу язык за зубами держать будет, тогда хотя бы моего имени не упоминай. Лады?

– Как скажешь. Я, в общем-то, болтать и не собирался. А что, проблемы какие есть?

– Нет, пока нет... Ладно, ты на этом особо не заморачивайся, просто имей в виду, – Максим улыбнулся и положил руку Стасу на плечо. – Хороший ты парень, Стас, только добрый слишком.

– С чего это вдруг такие выводы?

– Да по роже видно. Добрый и доверчивый. Хорошее в людях ищешь, а искать не нужно. Если что-то есть хорошее в человеке, то оно на поверхности все. Незачем его прятать-то. Искать плохое надо, это оно обычно хитро заныкано. Я тебе так скажу, в жизни нашей верить никому нельзя, ни хорошим, ни плохим. Друг предаст, баба бросит, наниматель любой на твою могилу плюнет и деньгам сэкономленным порадует. Я лично только в две вещи верю и на них во всем уповаю. Еда и патроны. Вот без них не прожить, а все остальное – преходящее.

– А вода?

– Что вода?

– Ну, без воды тоже прожить нельзя.

– Слушай, Стас, не порти речь прощальную, зануда. Ладно, давай, может, увидимся еще.

Максим крепко пожал бывшему компаньону руку своей громадной лапищей, повернулся и зашагал прочь. Стас постоял немного, глядя вслед удаляющемуся великану, пожегил, накинул капюшон. Дождь как будто усилился. Или просто показалось?

Ворота Стаса не разочаровали. Исполинская металлическая конструкция представляла собой две раздвижные створки, крепящиеся на массивных опорах-башнях. Это слово – «створки» – хоть и стало первым, что пришло Стасу на ум, все же страшно далеко было от действительности. Хотя если представить себе гигантский сервант двенадцати метров в высоту и примерно столько же в ширину, то все вставало на свои места. О размерах механизмов, которые приводили в движение эту многотонную конструкцию, можно было только догадываться.

Опоры ворот служили одновременно и сторожевыми башнями. Каждая была укомплектована пулеметом и, разумеется, прожектором. На стене, по бокам от башен, красовались внушительного вида орудия, напоминающие огромные огнеметы, коими они, скорее всего, и являлись. Даже в час пик, когда под стеной находилось полным-полно мирного торгового люда, эти машины смерти грозно смотрели на запруженную транспортом дорогу своими черными от копоти раструбами.

Ворота были открыты, и через них нескончаемой чередой двигался разношерстный поток гужевых и реже моторных повозок. Справа в город въезжали, слева – выезжали. Въезжающие продвигались заметно медленнее, так как на подъезде каждая повозка и машина останавливались, хозяин транспорта передавал охраннику у ворот какие-то бумаги. Бумаги эти весьма тщательно изучались и возвращались владельцу, после чего транспортное средство проезжало дальше. За то время, что Стас наблюдал эту процедуру, пару повозок, вызвавших, видимо, какое-то подозрение, отвели в сторону и устроили досмотр груза.

Через главные ворота двигался только транспорт. Все пешие шли через проходную – небольшую пристройку к правой опоре. Движение через нее было организовано аналогично. Слева на выход, справа на вход. Насколько Стас успел заметить, слева частенько выходили люди, которые только недавно вошли. Между их входом и выходом проходило обычно минуты три-четыре, отсюда Стас заключил, что внутри проходной также выполняется некая проверка.

Идти на допрос или обыск неподготовленным ему совсем не хотелось, поэтому Стас решил сначала пообщаться с людьми, уже умудренными горьким опытом. Человек такой нашелся очень быстро. Мрачный как туча высокий бородатый мужик в длиннополом плаще, с огромным рюкзаком и двустволкой за плечами вышел из проходной, что-то бормоча себе под нос, треснул в сердцах кулаком по стене и поплелся в сторону железнодорожного вокзала.

Стас, шлепая по глубоким уже лужам, быстро нагнал потерпевшего и попытался с ходу втереться в доверие.

– Здорово, земляк. Что, тоже облом вышел с проходной?

– Какой ты мне земляк? – мужик насупился и смерил Стаса недружелюбным взглядом, но шага не замедлил. – Видали мы таких земляков.

– Да погоди, чудака-человек. Тебя из-за чего завернули-то?

– Какое тебе дело? Чего ты вообще ко мне привязался?

– Почему сразу «привязался»? Я просто узнать хотел, что там и как, сам планирую в город попасть.

– Ну так походи и узнай.

– А сказать что, трудно, что ли?

Мужик ничего не ответил и, делая вид, будто рядом никого нет, продолжил топтать к вокзалу.

– Дебил, – раздосадованно буркнул Стас и пошел обратно к своему наблюдательному пункту.

В этот раз проверяющие, как назло, никого не заворачивали. Прошло десять минут, двадцать, и Стас наконец-то решился попытать счастья.

Войдя в проходную – кирпичное здание с тяжелыми металлическими дверями, – он тут же попал под прицел двух пар холодных глаз людей в форме. Форма была синяя и очень броская, явно не камуфляж. Куртка, брюки, заправленные в высокие ботинки, берет такого же синего цвета и черный бронежилет. На плече у обоих висели «Бизоны».

– Предъявите документы, пожалуйста, – заученно протараторил один из синих, обращаясь к Стасу.

– Какие документы?

– Пропуск, пожалуйста, – уточнил человек в синей форме вежливым, но требовательным тоном.

– Что за пропуск? – удивился Стас.

– Вход в город строго по пропускам, – пояснил тот.

– Пропуска у меня нет, – сознался Стас. – А как его получить? Что для этого нужно?

– Сюда, пожалуйста, – подал голос второй синий и указал на дверь справа.

– А что там? – поинтересовался Стас на всякий случай.

– Проходите, вам все объяснят.

Стас вошел в маленькую комнатку, где из мебели наличествовали только стол и два стула. За столом сидел человек в точно такой же синей форме, что и на охранниках снаружи, только без берета. Блестящие волосы, покрытые какой-то дрянью, были аккуратно зализаны назад, а в правом глазу этого паскудного с виду гражданина поблескивал монокль.

– Присаживайтесь, – процедил он и указал на стул сухой костлявой ладонью с длинными и какими-то противоестественно тонкими пальцами.

– Благодарю.

– С какой целью собираетесь посетить наш чудесный город?

– Работу ищу, да и просто хотел посмотреть, как тут люди живут, – честно ответил Стас. – Слышал много хорошего о вашем городе.

– Какая конкретно работа вас интересует? – продолжал допытываться зализанный человечек, разглядывая капельки дождевой воды, скатывающиеся с плаща Стаса на ствол автомата, торчащий из-под полы.

– Меня интересует в основном работа, связанная, скажем так, с обеспечением безопасности.

Человечек раскрыл лежащий на столе журнал и стал бегать глазами по невидимым Стасу строчкам.

– Нет, нет, не требуется, нет, закрыта, нет. К сожалению, для вас ничего подходящего не нашлось.

– Это не страшно, – поспешил успокоить его Стас. – Деньги у меня есть, на некоторое время хватит, а там я уж сам как-нибудь подыщу себе занятие.

Зализанный тип вытаращился на Стаса удивленными глазами, покачал головой, вынул монокль, достал платочек, тщательно протер линзу и вставил монокль обратно.

– Вынужден огорчить вас, молодой человек, но в настоящий момент городу не требуются специалисты вашего профиля. Не отнимайте мое время.

– Да, вы это уже говорили, но я и не...

– Пошел вон.

– Что?

Дверь позади Стаса открылась, и за спиной возникли две молчаливые фигуры в синем.

– Вывести, – скомандовал зализанный.

Через несколько секунд Стас уже нервно притопывал ногой по мокрому глиняному месиву возле проходной, соображая, что же делать дальше. В кошельке серебро еще позвякивало, однако надолго ли хватит тридцати семи монет? Пара недель? Возможно. Но что делать пару недель среди этого нищего сброда? К тому же Стас сильно поиздержался за прошедшие три дня в плане патронов. Сверхвыгодная операция с засадой обернулась финансовым крахом. Из пяти полных магазинов у него осталось полтора. Четыре «эфки» также были щедро расфасованы по тушкам легионеров. В Муроме Стас рассчитывал пополнить боекомплект и найти платежеспособных клиентов, но Максим оказался прав – здесь его никто не ждал. Попытаться предложить свои услуги по охране обоза? Маловероятно. Торгаши не любят нанимать первых попавшихся. Стас уже успел пожалеть, что не пошел с Максом на север, но жалеть было поздно, а снова шататься от форта к форту ой как не хотелось. И тут в голове мелькнула такая простая и очевидная идея – Валентин.

Как только Стас перешагнул порог гостиницы, сладкая улыбка тут же заняла свое привычное место на холемом Валином личике.

– О-о! Станислав, рад снова вас приветствовать. Как ваша затея с посещением Муррома? Безуспешно?

– Вы знаете? – удивился Стас.

– Не стоит огорчаться, – всплеснул ладошками Валентин. – Вы далеко не первый, кому отказали в пропуске. Достаточно выйти на улицу, посмотреть по сторонам, и глазам вашим предстанет то, что вы уже и так имели счастье созерцать – пригород Муррома. Знаете, что такое пригород Муррома? Как его здесь еще называют?

– Как?

– Город лишних, – Валентин сложил ладони и поднял брови в благоговейном выражении, словно собирался помолиться. – Да, друг мой, все эти несчастные люди тоже пришли сюда в поисках лучшей жизни, но... как видите, не у всех, далеко не у всех получилось проникнуть за периметр. Так они и осели здесь, у стены.

– Спасибо, вы меня здорово обнадежили, – попытался иронизировать Стас.

– Да, большой город – это нечто особенное. Он как магнит притягивает к себе людей отовсюду, молчаливо обещает им успех, достаток, удовольствия, дарит надежду. Просто так, одним своим существованием. И люди идут. Идут сотнями, тысячами. Но успех – такая штука, что на всех его не хватает. И там, за стеной, никто не горит желанием делиться своим успехом с каждым вновь прибывшим.

– А зачем же тогда вообще нужен весь этот цирк с собеседованием?

– Это вовсе не цирк. С чего вы взяли? Город принимает только тех, в ком нуждается. Строители, механики, слесари, повара, врачи и особенно инженеры – вот те, кому за стеной всегда будут рады. А силы для охраны правопорядка муромское руководство предпочитает набирать из своих, из проверенных людей.

– Фигня какая. Ну так я недельку здесь перекантуюсь, чтобы память обо мне на проходной слегка подзатерлась, заодно бородку отпущу, а потом приду и скажу: «Здравствуйте! Не нужен ли вам и вашему прекрасному городу высококвалифицированный инженер?» Вуаля – и я уже за стеной?

– Нет-нет. Не все так просто, молодой человек, – захихикал Валентин. – То есть за стену вас, конечно, пропустят, но не просто так, а с направлением на определенный объект. Понимаете? Людей город набирает для абсолютно конкретных целей. То есть: «Вы инженер? Милости просим на рубероидный завод, в цех номер три». Ясно?

– Ну, более или менее...

– В таком случае разрешите поинтересоваться, а чем вы будете заниматься в цехе номер три? Вот приведут вас туда – а приведут обязательно под конвоем – и скажут: «Станислав, смонтируй-ка нам печь, поруководи процессом». И что тогда?

– Сложно сказать, так, с ходу...

– Сложно? Я бы вам от чистого сердца посоветовал сказать правду. Мол, так и так, обманул, никакой я не инженер. В этом случае сможете отделаться малой кровью – выдворением за стену с «волчьим билетом».

– А если не признаюсь? – поинтересовался Стас на всякий случай, хотя мысль о подобной афере уже отпала. – Возьмусь за работу, и будь что будет. Авось прокатит?

– Тогда, Станислав, вы будете иметь все шансы испытать своей шеей на прочность веревку местной виселицы за саботаж. А потом ваше тело снимут, отвезут в крематорий по соседству, сожгут, а золой удобрят окультуренные газончики перед мэрией. Вот так.

– И что, значит, для меня путь в город закрыт окончательно и бесповоротно?

– Ну, зачем же столь пессимистично? – снова расплылся в улыбке Валентин. – Есть еще один способ. В город пускают по приглашению.

– Я в Муроме никого не знаю.

– Зато я знаю, – промурлыкал Валентин, и улыбка на его благополучной мордочке стала еще шире.

– Можете помочь? – спросил Стас, но и сам уже понял, что Валя не просто может помочь, а прямо-таки горит желанием оказать услугу.

Жизненный же опыт подсказывал ему, что в подобных случаях услуги бывают только взаимными.

– Да, пожалуй, могу, но... – Валентин выдержал театральную паузу. – Мне от вас тоже требуется небольшая помощь. Совсем небольшая. Да это и помощью-то назвать трудно, так – пустячок.

– Я слушаю, – ответил Стас и вспомнил слова Максима: «Он нормальный мужик, не пидор». Сейчас ему очень хотелось в это верить.

– Нужно передать деньги одному человеку, – начал Валентин, и на душе у Стаса полегчало. – Я, конечно, и сам бы мог, но в последнее время что-то дел много навалилось, кручусь, как белка в колесе. Выручите?

– О какой сумме идет речь?

– Сорок серебряных.

– И не боитесь отдавать такие деньги человеку, с которым только вчера познакомились?

– Ну что вы, Станислав! Я мало знаком с вами, но очень хорошо знаком с Максимом. Он не заведет дружбу с недостойным человеком.

– А кому деньги передать нужно?

– О! Это весьма уважаемый мужчина – Прокофьев Александр Дмитриевич – весьма уважаемый! Он проживает недалеко от улицы Жданова. Это, как выйдете из гостиницы, так сразу вдоль стены налево, метров шестьсот-семьсот. Там еще развалины старого универмага будут, – Валентин взял карандаш, листок бумаги и начал рисовать план. – Железобетонный каркас трехэтажного здания. Так вот, немного не доходя до него, нужно свернуть налево и идти метров сто пятьдесят прямо. Там увидите двухэтажный дом, кирпичный, в очень хорошем состоянии, его трудно не заметить. У ворот, скорее всего, будет охрана. Скажете им, что пришли от Вали Бережного с обещанным. Они и проведут вас к Александру Дмитриевичу. Отдадите ему деньги, возьмете квитанцию...

– Квитанцию? – удивился Стас.

– Да. Знаете, память человеческая – штука весьма ненадежная, а бумага всегда всех рассудит. Вот. Возьмете, значит, квитанцию и вернетесь сюда. А я пока похлопочу о приглашении. Идет?

– Идет.

Дождь разошелся не на шутку, и островки растрескавшегося асфальта улицы Жданова стремительно погружались под мутную воду, смешанную с глиной. Шагать приходилось практически на ощупь, и пару раз Стас, промахнувшись мимо очередного асфальтового архипелага, черпанул ботинком из лужи. Внутри хлюпало. Было мокро, мерзко и холодно. Стена завернула направо, и признаков жизни вокруг резко поубавилось. Вдоль дороги, превратившейся в поток жидкой грязи, тянулись унылые серые развалины пятиэтажек, некоторые наполовину разобранные, другие просто рассыпавшиеся от времени и хронического отсутствия ремонта. Обвалившийся фасад одного из зданий лежал на дороге грудой битого кирпича и штукатурки. Сгнившие оконные рамы, куски железобетонных плит и осколки шифера словно убогие надгробия торчали из этой могилы прошлого.

Кривые деревья с изуродованными опухолью стволами скорбно гнулись к земле, храня в памяти гнев смертоносного солнца первых послевоенных лет. Могучие корни-змеи вспарывали остатки асфальта на многие метры вокруг. Некоторые из этих деревянных чудовищ были спилены, и теперь лишь черные трухлявые пни вздымались из-под земли, давая приют червям и мокрицам.

Один мертвый дом сменялся следующим, а руины большого трехэтажного здания, бывшего когда-то универмагом, в поле зрения все не попадались. Стас шел, уже совершенно не обращая внимания на лужи. Ботинки промокли окончательно, и переживать было больше не о чем.

Пятиэтажки закончились, на смену им справа от дороги пришли длинные двухэтажные здания, напоминающие бараки, а слева раскинулся пустырь, заваленный строительным мусором. Дома эти, судя по всему, были жилыми. Из некоторых окон, забитых фанерой и протыканных паклей, торчали на улицу трубы, источавшие слабенький сизый дымок. Крыши домов кое-где прохудились, а где-то и вовсе обвалились, похоронив под собою верхние этажи. В кирпичных стенах зияли огромные трещины, кое-как законопаченные тряпьем и стекловатой.

В одном из полуразвалившихся зданий послышались звуки, отдаленно напоминающие пение. Стас прислушался. Чей-то осипший пропитой голос выводил «Катюшу». Хлопнула дверь подъезда, и на улицу выкатилось горлающее тело. Состояние тела, чей пол определить не представлялось возможным, было удручающим и абсолютно невменяемым. Сделав несколько решительных, но крайне несбалансированных шагов, тело потеряло равновесие и со всего размаха бухнулось в лужу. Пение ненадолго оборвалось, сменившись бульканьем пузырей грязи вокруг головы упавшего. Однако стоило телу немного приподняться и высвободить лицо из глиняного болотца, как пение возобновилось с новой силой.

– Ту-у-маны над рекой. Вы-хо-ди-ила на берег Катю-юша, на висо-окий...

И тут тело остановилось. Оно замерло, замолчало и тупо уставилось на Стаса. Сидя в луже, ногами и лицом в сторону дороги, тело лишь поворачивало голову, а красные, воспаленные глаза на покрытом грязью лице все так же тупо тарасились.

Стас почувствовал себя как-то неловко. Холодок пробежал по спине. Тело в луже начало медленно-медленно поднимать руку с вытянутым указательным пальцем. Стас расстегнул плащ и вытащил наружу автомат – так, на всякий случай. Указующий перст все поднимался, словно ствол пистолета, целя в его сторону. Липкая маска из грязи лопнула, и на сплошном коричневом овале с двумя точками красных глаз образовался черный провал рта.

– Добрый человек, не дай подохнуть с голодухи. Помогите за-ради Христа.

– Фу ты, блядь! – Стас сплюнул, застегнул плащ и пошел дальше.

Улица завернула вправо, пустырь и бараки остались позади. Здесь кучи строительного мусора плавно перетекали в останки девятиэтажек. Хотя утверждать наверняка, что когда-то

эти здания представляли из себя именно девятиэтажки, было сложно. Верхние этажи домов-башен давно рассыпались в труху и, судя по всему, планомерно, год за годом, продолжали осыпаться. В результате высотные дома мало-помалу превратились в некое подобие муравейников – почти конусообразные, с заостренными, рыхлыми вершинами и присыпанными смесью битого кирпича и бетона основаниями.

Стас прошел еще метров пятьдесят и увидел, что из-за одного такого «муравейника» выглядывает странная ажурная конструкция хитро переплетающихся железобетонных свай и арматуры. Приглядевшись повнимательнее, он с удовлетворением обнаружил, что эти хитросплетения представляют собой каркас длинного и широкого трехэтажного здания, вполне подходящего под описания, данные Бережным.

Строго придерживаясь плана, Стас, немного не доходя до развалин универмага, повернул налево и побрел вдоль «муравейников», высматривая тот самый дом, который, по словам Валентина, было трудно не заметить.

Дом и впрямь обнаружился очень скоро. Выглядел этот двухэтажный особнячок действительно весьма пристойно. Кирпичный, шиферная крыша, фигурная кладка – этот дом смотрелся каким-то инородным белым пятном, островком жизни посреди серого, мертвого окружения. Впечатление уюта и благополучия портили лишь узкие окна-бойницы и подозрительного вида личности с автоматами, шатающиеся поблизости.

– Эй! – крикнул один из стрелков и поднял «АКМ», когда Стас подошел к дому метров на пятьдесят. – Стой там. Кто такой? Что здесь делаешь?

– Добрый день, – поприветствовал Стас. – Мне нужен Прокофьев Александр Дмитриевич. Я от Вали Бережного с обещанным.

– Слышь, Костян, – обратился стрелок к здоровенному жлобу, поплеывающему семечки у крыльца. – Александра Дмитриевича хотят.

Жлоб задумался секунд на пять, а потом разразился диким хохотом и едва не подавился.

– Идем, – позвал он Стаса, прокашлявшись. – Хе, Александр Дмитриевич...

Тяжеленная бронированная дверь со скрипом отворилась, и Костян издевательски-утонченным жестом пригласил Стаса войти.

– Ноги вытираем, волыны сдаем.

Стас расстегнул плащ, снял с шеи автомат, вынул рожок и засунул его в разгрузку, отдал автомат Костяну. Потом он разрядил «ПМ», отдал его, а магазин убрал в кобуру.

– Жадный? – поинтересовался Костян.

– Бережливый, – поправил его Стас.

– Ручки подыми, бережливый.

Константиновы грабли принялись активно ощупывать карманы Стаса, и вдруг где-то сверху прогремел выстрел, а потом что-то тяжелое упало с глухим стуком. Стас рефлекторно пригнулся и чуть не заехал локтем Костяну по тылке, когда тот проверял, не спрятано ли чего опасного в ботинках за голенищем.

– Епть! Чего пугливый-то такой? Ствол у тебя вроде реальный, а стрельбы шугаешься.

– А что у вас там происходит? – с тревожными нотками в голосе поинтересовался Стас.

– Да нормально все, не бойсь, – Костян закончил с обыском, кряхтя разогнулся и вздохнул. – Стой здесь, никуда не ходи, ничего не трогай. Я пойду сообщу.

Заскрипели ступени деревянной лестницы, и со второго этажа послышались голоса:

– Дикой, к тебе тут посетитель.

– Кто?

– Говорит, от Бережного.

– Давай.

– Эй, пугливый, – заорал Костян. – Иди сюда.

Стас поднялся на второй этаж, пошел по коридору.

– Сюда, – снова заорали из-за двери справа.

Стас открыл дверь и вошел в большую, богато меблированную комнату, стены которой были выкрашены в светло-салатовый цвет. За массивным письменным столом сидел худощавый человек лет сорока пяти в черном свитере с воротником под горло. На левом боку у него висела пустая расстегнутая кобура из дорогой тисненой кожи. На столе лежал огромный черный револьвер с резной деревянной рукоятью. В углу валялся труп с дырой в груди, привязанный к стулу, под ним растекалась по бетонному полу кровавая лужица. В комнате пахло порохом.

– Что принес? – спросил человек и вперился в Стаса серо-голубыми немигающими глазами.

– Деньги, – ответил Стас. – От Бережного.

– Клади на стол.

Стас сделал несколько шагов вперед, положил тяжелый замшевый мешочек рядом с револьвером и отошел обратно. Дикой развязал веревку и, высыпав содержимое мешочка перед собой, принялся складывать монетки стопками и расставлять их в линию. Пять монеток, еще пять, еще... Чем меньше оставалось монет в общей куче, тем резче прочерчивали его лоб глубокие скорбные морщины. Наконец все сорок монет, уложенные в аккуратные стопочки, выстроились в шеренгу по стойке «смирно».

Дикой откинулся в кресле и вопросительно посмотрел на Стаса.

– Что это?

– Как «что»? Это деньги, – повторил Стас, не найдя более подходящего определения. – От Бережного, я же уже говорил.

– А где остальные?

– Что значит «остальные»? Он больше ничего не передавал.

На небритом лице Дикого с впалыми щеками нервно задергалась жилка под глазом. Напряжение росло. Стасу вдруг отчаянно захотелось немедленно уйти. Сказать, что все это нелепая ошибка, что он перепутал адрес, и уйти. Но было поздно. Дикой вдруг схватил револьвер и, расшвыряв монеты, прыгнул на стол, словно какое-то животное. Он перемахнул через него и метнулся к Стасу, да так резво, что тот лишь успел рот открыть от неожиданности. Сильная жилистая рука схватила его за ворот, прижала к двери, а вороненый ствол револьвера уперся в лоб с такой силой, что кожа вокруг теплого еще дула побелела.

– Ты за кого меня принимаешь, падаль?! – заорал Дикой, брызжа слюной в лицо Стасу. – За лоха меня принимаешь? За быдло тупое? Где вторая половина? Где, я спрашиваю? Я тебя, суку, сейчас в расход пуцу, бля, если денег не увижу!

– Все-все, стоп! – Стас поднял руки в тщетной попытке успокоить взбесившегося Прокофьева.

– Я тебе, бля, сейчас устрою «стоп»! Где деньги, сука?

– Есть, есть деньги. Хорош! Все! Давай поговорим просто, все обсудим.

– Где?!

Стас медленно и осторожно залез рукой под разгрузку и достал из нагрудного кармана свой кошелек.

– Вот.

Дикой сделал шаг назад, взвесил монеты на ладони и, злобно прищурившись, погрозил Стасу револьвером.

– Костян.

– Да.

– Смотри за ним.

Раскиданные по столу монеты Бережного были небрежно смахнуты в общую кучу, а на их место высыпалось серебро из кошелька Стаса, и снова начался подсчет.

– Здесь тридцать семь, – недовольно процедил Дикой. – Где еще три?

– Это все, что у меня есть, – ответил Стас. – Я свои деньги отдаю, не Бережного.

– Да мне насрать, чьи они. Взятся его долги доставлять? Ну так доставляй в полном объеме. Или ты думаешь, я сейчас побегу к Валечке разбираться, как же так вышло, что из восьмидесяти серебряных до меня только сорок добрались? Мне больше делать не хер, потвоему? Костян, что у него за стволы?

– «ПМ» и «калаш» странный какой-то. На «АКМ» похож, только пластмассовый.

– «ПМ» реквизируем за неуплату.

Стас вздохнул, но ничего не ответил, молча порадовавшись, что хоть автомат ему оставили.

– А с Бережным своим сам разбирайся, – закончил Дикой зачитывание приговора. – Все, гуляй отсюда.

– Валентин сказал, что вы должны какую-то квитанцию выписать, – без особой надежды в голосе произнес Стас.

Услышав это, Костян прыснул и согнулся пополам, едва сдерживая приступ истерического хохота. Лицо Дикого осталось невозмутимым, лишь мягко щелкнул взведенный курок револьвера, и Стас понял, что с уходом лучше не затягивать.

Обратная дорога к гостинице пролетела быстро и незаметно. Все мысли Стаса были заняты подбором наиболее подходящих эпитетов для характеристики морального облика Бережного. Варианты рождались один затейливее другого. К тому моменту, как Стас добрался до гостиницы, он уже успел накрутить себя так, что едва пена на губах не пузырилась.

– Не велено пускать, – прогудел Степан и загородил пузом входную дверь.

Не тратя времени на бесполезные разговоры, Стас подошел к охраннику вплотную, левой рукой ухватился за ствол дробовика, а правой ладонью со всей дури зарядил несчастному Степану снизу вверх по носу. Хрящ тихонечко хрустнул, по подбородку и шее заструились два красных ручейка, впадающих в кровавое пятнище на майке, которое стремительно разрасталось. Степан хрюкнул, обмяк и грохнулся на четвереньки, выпустив дробовик из рук.

Дверь гостиницы распахнулась. Валя узрел сначала вползающего Степана с висящими до пола красными соплями, а затем и Стаса с дробовиком на изготовку.

– Руки на стойку, – скомандовал Стас и передернул цевье.

– Вы что?! Вы... – залепетал Валя и положил пухлые ручки на видное место.

– Рот открой. Шире.

Ствол дробовика с ходу залетел в пасть Бережному, сломав по дороге один зуб, и уперся в небо.

– Я сейчас расскажу тебе одну забавную историю, – начал Стас под испуганное Валино мычание. – А ты послушаешь. Пришел я сегодня к весьма уважаемому мужчине – Прокофьеву Александру Дмитриевичу. Принес ему твои деньги. Но оказалось, что денег тех всего половина от суммы долга. Александру Дмитриевичу это обстоятельство совсем не понравилось, и он захотел меня убить. В результате мне пришлось отбашлять свои кровные. Тридцать семь монет. Ах да, еще Александру Дмитриевичу очень приглянулся мой «ПМ», и он решил оставить его себе. Так что... Степа, сколько сейчас стоит «ПМ»?

– Монет пятнадцать, – пробубнил Степан, сидящий на полу.

– О! Пятнадцать. Итого за тобой должок в шестьдесят две монеты. Десять – мне за работу, – Стас задумался. – Вот удивляюсь, бля, почему люди так часто путают хорошие манеры со слабостью. Ладно, хватит лирики. Где деньги? И только попробуй мне, сука, заикнуться про квитанцию.

Стас вынул обмусоленный ствол из Валиного рта. Бережной попытался ответить, но лишь шумно заглотив воздух и выблевал на стойку только что скушанный обед.

– Ну и манеры!.. – посетовал Стас.

– Н... н... нет денег. Все отдал. Нет денег.

– Что-то не верю я тебе.

– Честное слово. Детьми клянусь, – занял Валентин.

– И детей я твоих тоже не припомню.

– Дела плохо идут, клиентов мало, да еще и поборы сплошные. Откуда деньги? – Валя кинул боязливый взгляд на дробовик и увидел, как ствол начал медленно подниматься. – Но я найду. Да. Обязательно найду. Я знаю, где раздобыть. Да.

– Короче, так – у тебя времени до семи вечера. Соберешь деньги и принесешь их на угол этой вашей сраной улицы, что к воротам ведет, и тополиной аллеи за тепловозоремонтным заводом. Положишь под крайним деревом и свалишь. Если попытаешься меня еще раз кинуть, я сожгу это твое забегалово, – Стас сделал широкий жест рукой. – Вместе с тобой, с детьми, с женой, тещей и золовкой. Понял?

– П-п-понял.

Стас четыре раза передернул цевье, бросил пустой дробовик в угол и вышел.

На улице заметно потемнело. До семи часов оставалось минут десять. Прошедшее время Стас потратил с пользой. Облазив прилегающую к условленному месту территорию, он подыскал себе отличный наблюдательный пункт в заброшенном сарае, приютившемся на противоположной стороне дороги. Сарай был совершенно неприметный, стоял в тени деревьев, заросший бурьяном. Между досок зияли щели вполне достаточного размера, чтобы через них можно было комфортно наблюдать за происходящим снаружи.

Время «Ч» неумолимо близилось, а Бережного все не наблюдалось. Стас уже начал волноваться и проверил карманы в поисках зажигалки. Зажигалка оказалась на месте. Кремь чиркнул, выбивая искру, тонкое спиртовое пламя голубоватым огоньком заиграло перед глазами и тут же погасло. Рядом с условленным местом появился Валентин. Робко озираясь по сторонам, толстячок перебежал дорогу, остановился возле крайнего тополя, достал из-за пазухи сверток и аккуратно уложил его под деревом.

– Умничка, – прошептал Стас. – А теперь топай домой.

Валентин так и сделал – развернулся и, мелко семена ножками, почесал обратно.

Отсидевшись еще минут пять, Стас вышел из своего укрытия и направился к тополю. Он присел, поднял тяжелый сверток, засунул его в карман и... полетел.

Хлопок выстрела разнесся по округе, словно гром небесный. С какой стороны он исходил, определить было невозможно. Стас почувствовал толчок сбоку, его развернуло впол оборота и бросило на землю. Следующая пуля угодила в ствол дерева, оторвав кусок коры. Стас поднялся на ноги и побежал. Он несся между панельным забором тепловозоремонтного завода и тополями, стараясь лавировать из стороны в сторону. Еще одна пуля чиркнула по плите, осыпав голову бетонной крошкой. Стреляли из «СВД», это легко определялось по звуку, похожему на оглушительный щелчок бича. Любая заминка сейчас была смерти подобна. Нужно было бежать. И он бежал.

Глава 4

Горло высохло. Мутная пелена перед глазами становится все гуще. Кровь... кровь стучит в ушах, будто огромный барабан с туго натянутой кожей запихали в голову и колотят по нему что есть мочи. Бум, бум, бум... Правая штанина липнет к ноге. Легкие горят, словно весь воздух кругом раскалился, превращая туманную дымку в обжигающий пар. Дальше, дальше... нужно бежать.

Пригород остался позади, влажная тишина черного леса раскрыла навстречу свои объятия, приняла и сомкнулась вокруг. Выстрелов больше не было слышно, но Стас знал – за ним идут. Он чувствовал это, как загнанный зверь чует приближение погони – кожей, ноющими мышцами, сломанными ребрами.

Бежать становилось все труднее. Ноги заплетались, цеплялись за поломанные ветки, кочки, бугристые, выпирающие из-под земли корни, скрытые одеялом гниющей листвы и иглиц. Стас споткнулся, упал и пополз. Добравшись до ближайшего дерева, он кое-как приподнялся и уселся на землю, прислонившись спиной к стволу.

Кровь шла сильно. Пуля задела правый бок по касательной, но ей и этого хватило, чтобы сломать два ребра и оставить на своем пути рваную кровоточащую борозду вспаханного мяса. С каждым ударом сердца открытая плоть набухала живой влагой, которая замирала на секунду и срывалась вниз, пропитывая собой грубую ткань камуфляжа.

Стас вынул из брюк ремень, морщась от тупой ломящей боли, затянул его на груди и сунул пустую кобуру в карман. Широкая полоса хорошо выделанной кожи плотно закрыла рану, замедлив кровопотерю. Стас посидел несколько секунд, переводя дух, немного отогнул вверх край своей импровизированной повязки и прижал ребро ладони чуть ниже раны. Дождавшись, когда ладонь наполнится кровью, он снова прикрыл ремнем сломанные ребра, собрал в кулак оставшиеся силы и, шатаясь, побежал вперед. Окровавленная рука касалась каждого пройденного дерева, оставляя на его коре хорошо заметный след.

Когда ладонь окончательно высохла, Стас свернул влево, прошел метров сорок и, тяжело дыша, опустился под широким стволом старой ели. Теперь нужно было ждать.

В это же время человек в черно-сером камуфляже и залатанном кожаном плаще подошел к опушке леса и присел, заметив на земле влажные сгустки. Тонкие пальцы, увенчанные длинными грязными ногтями, подхватили комочек и растерли его. Скользящая, липкая субстанция оставила на коже маслянистую пленку свернувшейся крови. Лицо под капюшоном расцвело самодовольной ухмылкой.

– Да, голубчик, шустер ты, шустер, – процедил человек сквозь зубы. – А помирать-то все равно надо.

Мягко ступая по густому подлеску, он двинулся в глубь чащи. Ни одной ветки не хрустнуло под подошвами, ни один сучок не треснул, зацепившись за одежду.

Едва заметно дернулся куст волчьей ягоды метрах в семидесяти. Ствол «СВД», обмотанный черными лоскутами, взметнулся вверх, глаз с желтой радужкой припал к резиновой накладке прицела. Сорока. Всего лишь сорока вспорхнула с земли, задев крылом ветку.

Следы вели все дальше в лес. Они были четкими и хорошо различимыми. Привычные к темноте глаза даже в сумерках без труда находили их: на земле, на ветках, листьях папоротника, корнях... Вот здесь беглец упал, следов стало больше. Полз, раскидал иглицы по сторонам. Неаккуратно. Кровь, снова кровь вокруг. Вот он сел, прочертил своими коваными каблуками борозды на земле. Ему больно, да, очень больно. Правая борозда глубокая. Водил каблуком несколько раз, старался не закричать. Встал, едва удержался на ногах. След левой руки на земле. Его шатает. Оперся о дерево, измазал ствол кровью. Дальше, дальше. Опять

след. Идет от дерева к дереву. Перебегает, цепляясь за них, старается не упасть. Снова. Еще. Еще...

Еле уловимое движение метра в сорока левее привлекло внимание охотника. Желтые глаза сверкнули под капюшоном, отразив вспышку. Характерный сухой кашель «АК» разорвал тишину черного леса. Руки, ведомые безотказными рефлексами, успели вскинуть винтовку, но одна из трех выпущенных пуль угодила в цель раньше, чем глаз с янтарной радужкой снова прильнул к накладке оптического прицела.

Стас замер, не опуская автомат, и попытался разглядеть своего преследователя. Но не увидел ничего, кроме медленно опускающихся на землю сухих листьев. Тихо сматерившись, он прицелился и сделал еще два выстрела в место предположительного падения тела.

Решив удостовериться в том, что настырная сволочь с «СВД» больше не будет ему докучать, Стас поднялся и двинулся вперед. Но это оказалось не так-то просто. Голова закружилась, черные деревья пустились водить хороводы. Ноги, заплетаясь, стали выделять замысловатые кренделя в тщетной попытке сохранить равновесие, однако эта задача оказалась им не по силам, и Стас упал. Он лежал на спине, раскинув руки, и смотрел в темно-синее, припорошенное первыми звездами небо. А небо темнело. Темнело, темнело... и потухло.

– Клади на телегу, – услышал Стас сквозь забытье чей-то негромкий голос.

– Почто кобылу-то нагружать зазря? – вопрошал второй голос. – Все одно же подохнет.

– Подохнет – выкинем. Клади.

Стаса подхватили за ватные конечности, подняли с земли и весьма бесцеремонно бросили на что-то жесткое и бугристое.

– Но, пошла.

Жесткое бугристое нечто дернулось и затряслось. Послышался резкий неприятный скрип, от которого поначалу заломило зубы. Порыв ветра донес запах сырости, прелой листвы и конского пота. Стас открыл глаза, но тут же зажмурился. Проморгавшись, он сделал еще одну попытку и увидел над собой белое, затянутое облаками небо. Слева и справа колыхались ажурные кружева голых черных веток. Дышать было тяжело. Стас дотронулся до груди и нашупал свой ремень, под которым оказалась повязана еще какая-то тряпка, не особо чистая на ощупь. Справа она была слегка влажная, но не мокрая. По краям от влажного пятна пропитанная кровью материя засохла и припаялась к куртке. Разгрузка исчезла, автомата рядом тоже не наблюдалось.

– О! Глянь-ка, – загнусавил кто-то сзади. – Болезный наш оклемался, руками шебуршит чего-то.

– Здорово, морда наймитская, – слева от телеги нарисовалось чумазое бородатое рыло в зеленой каске. – Ну вот и ты допрыгался.

– Где он? – спросил Стас, с трудом разлепив пересохшие губы, и едва услышал собственный охрипший голос.

– Хе, да ты оригинал. Обычно спрашивают «Где я?» или, на худой конец, «Кто я», а ты вон как завернул, – чумазый проделал пальцем в воздухе замысловатый пируэт. – Сразу видно отродье ваше наймитское, только бабло да шмотки на уме. Национализирован твой автомат, на крови нашей заработанный. Так что ты о себе лучше подумай да о том, как отвечать перед народом будешь за злодеяния свои беспутные.

– Нет, не автомат. Человек. Человек где, который с «СВД»? Я в него стрелял.

– Что стрелял ты, мы слышали, а вот в кого стрелял...

– Труп был там?

– Не считая твоего – нет, не видал.

Стас обреченно вздохнул и снова закрыл глаза, понимая, что разговаривать с чумазем в каске больше не о чем. Разве что...

– Попить дай.

– Это можно, – железная башка ненадолго скрылась из виду и появилась уже с большой алюминиевой флягой.

Стас потянул руку к желанному сосуду, но чумазый оттолкнул ее в сторону.

– Куда ты грабли свои растопырил? Вот народ!.. Никакого воспитания. Погоди, в кружку налью, а то напустишь мне еще заразы какой во флягу.

Чумазый вынул откуда-то из-под засаленной фуфайки поцарапанную эмалированную кружку, подышал на нее, потер о рукав и только после этой сложной процедуры налил воду.

– На, хлебай, нерусь невытая.

Стас сделал несколько больших глотков и, осушив кружку, снова повалился на свое неуютное ложе. Вода смочила потрескавшиеся губы, оживила голосовые связки.

– Это почему же я нерусь? – поинтересовался он. – Да еще и невытая?

– У мамки своей спроси, почему.

– А что мне у нее спрашивать? Мать у меня русская, да и отец тоже.

– Ага, все вы русские. Намешалось черт-те что на нашу голову.

– На чью это – на вашу?

– А, чего с тобой разговаривать?! Ты хоть в бога-то какого веришь?

– Атеист я. На себя надеюсь больше.

– Э-э, а еще русским называется. Какой же ты русский, коли на тебе креста нет? Не русский ты. Так... недоразумение какое-то. Шатаешься по миру неприкаянный. Кто заплатит, на того и батрачишь. А уж платит-то вам известно кто. Да только что тебе до этого? Лишь бы в кармане звенело да в стволе блестело. Человечишко был, да и нету его, а монетки-то вот они, – чумазый похлопал себя по ляжке. – Карман приятно тянут, душу греют. Да? У вас, наймитов, душа-то если и есть, то не иначе как в кармане хоронится. Русский он... Да ты русских-то, чай, положил – не пересчитаешь.

Стаса уже начала утомлять эта дискуссия, да еще и голова разболелась.

– Рожу умой сначала, а потом уж учить берись, – устало ответил он, рассчитывая прервать беседу, но не тут-то было.

Чумазый, судя по всему, страдал очень серьезной нехваткой общения.

– Ты мне, парень, не хами, а то сейчас быстро по соплям получишь. Ишь ты, ерепенистый какой. Пять минут назад помирал, а теперь хамит уже. Расскажи-ка лучше, кто тебя дыранул так зверски. Небось, тоже кому-то нахамил? Ты ведь со стороны Мурома чесал? Так? Неужто полицаи тамошние постарались? Общался я с ними как-то раз. Редкостные, скажу тебе, суки. Прямо фашисты, только хуже. Мнят себя ну, ни дать ни взять, господами. Что ты, что ты, не плюнь рядом. А разговаривают-то как – ласково, вкрадчиво, словно со скотиной домашней. Только вот брякни чего невпопад – так прикладом ухайдакают... Одно слово – фашисты. Что молчишь-то? Они?

– Точно.

– Ааааа, вот ты на вранье-то и погорел, – ощерился чумазей. – Чтоб какой холуй муромский один да под ночь в лес сунулся – ни в жизнь не поверю. Уж коли врать взялся, так поскладнее байку сочини.

– Раз умный такой, че тогда спрашиваешь?

– Э-э, кажись, просекаю. Не иначе заказали, – чумазый погладил себя по нечесаной бороде и довольно загоготал. – Вот ведь какие жизнь кренделя-то отчебучивает. Заказали, да не тебе, а тебя. А я и думаю, чего это командир наш полудохлого наймита прихватить решил. Все же умный он у нас, командир-то, сразу смекнул, чем тут пахнет.

– Ну и чем же? – нарочито безразлично поинтересовался Стас.

– Денежками, денежками пахнет. Не чуешь?

– Что-то не очень.

– Это потому, что бестолочь ты необразованная. За заказ деньги плочены, а не отработаны, коль жив ты еще.

– Ну и...

– Ну и отработаем, – усмехнулся чумазый. – Надо только заказчика твоего найти.

– Флаг вам в руки. Ищите, – Стас помрачнел и задумался. – Мутный ты тип. Сам мне тут втирал, как нехорошо людей за деньги убивать, а теперь уже продать человека готов с потрохами.

– Такого, как ты, можно и продать. Не грех. Я бы и сам тебя к стенке поставил, да патрон жалко.

– А ты ножом давай, – решил немного побравировать Стас, а заодно попытаться разузнать побольше о своих нынешних спутниках, благо ситуация к этому весьма располагала.

– Смотри, дошутишься. Я человек сговорчивый, могу и навстречу пойти твоим пожеланиям.

– Сколько с вашей братией голопузой пересекался, а такого общительного рейдера первый раз встречаю.

– Рейдера, говоришь? – нахмурился чумазый. – Слово-то какое выдумали нерусское. Это для такой мрази продажной, как ты, мы рейдеры, а для народа простого мы – освободительная армия.

Стаса такая теория даже позабавила. Он вполне искренне улыбнулся, хотя оправдавшиеся подозрения насчет рода деятельности его вынужденных попутчиков совсем не внушали ему оптимизма.

– Народ? Так народ и платит таким, как я, чтобы от вас, «освободителей», избавиться.

– Э нет, врешь, – потряс пальцем чумазый. – Ты не путай народ русский с нехристями погаными. Расплодились на земле нашей, жируют, мощну набивают, русским житья не дают. Только ты-то этого не замечаешь, не хочешь замечать. Невыгодно тебе это. Оно и понятно, с их же рук племя ваше блядское кормится.

– У вас тут все такие идеологически подкованные?

– Нет, к большому несчастью, но дело поправимое.

Стас уже практически смирился с неизбежностью грядущего промывания мозгов и покорно приготовился слушать, но судьба сжалилась-таки над ним.

– Стоп машина, – раздался впереди чей-то хорошо поставленный командный голос, и телега остановилась. – Черных, Пахомыч и Седой в охранение, остальные за мной. Черных, накорми пленного.

– Опа, пришли уже, что ли? – удивился чумазый. – Ну ладно, опосля еще побазарим, пора мне.

Настырный собеседник поправил каску и ускакал вперед.

Стас немного приподнялся на локте в попытке рассмотреть, что же там такое происходит, но ничего, кроме лошадиной задницы, не увидел. Вдруг что-то больно ткнулось ему в плечо, едва не заставив вскрикнуть от неожиданности.

– А ну лежи смирно, – прозвучало сзади.

– Куда это все ломанулись? – поинтересовался Стас у своего нового невидимого собеседника.

– Обоз... – собеседник запнулся и продолжил уже более сердитым тоном: – Не твое собачье дело. Лежи и помалкивай.

Лежать пришлось долго. Стас смотрел вверх, на медленно плывущие облака, и думал над тем, велики ли шансы у его пленителей выйти на Бережного и что будет, если они на него так и не выйдут. Мысли рождались разные, но все больше плохие, поэтому он решил,

что не стоит сейчас насилловать свой мозг бесполезными раздумьями, а лучше использовать это время для сна, пока чумазый агитатор не вернулся. Еще Стас подумал, что неплохо было бы узнать время, поднес к глазам левую руку, но вместо часов обнаружил на запястье лишь светлую полоску кожи, не тронутой загаром, тихо выругался, закрыл глаза и уснул.

– Эй. Эй, ты, – неуважительное обращение со спины было подкреплено тычками в плечо. – Просыпайся давай, жрать пора.

Услышав благозвучное слово «жрать», Стас открыл глаза. Желудок почти сразу же отозвался нетерпеливым и настойчивым урчанием.

– Быстро как, надо же. А я уж, грешным делом, решил, что приказ командира не для вас.

– Еще одна шутка, и я передумаю, – ответил невидимый собеседник, и над лицом Стаса зависла алюминиевая миска.

– Ладно, понял, – Стас аккуратно взял посудину, поставил ее слева на телегу и, стиснув зубы, перевернулся на левый бок. – А ложок в вашем заведении не предусмотрено?

– На, – над головой Стаса возникла ложка, да не простая, а деревянная с росписью.

Краска местами уже потерлась и кое-где отслоилась, но все же роспись еще производила впечатление. Ручка была золоченая, с черным концом, а сама ложка вообще представляла собой буйство невиданных красочных цветов на черном фоне.

– Ух ты. Откуда красотища такая? – попытался Стас завязать разговор.

– Заткнись и жри. Я с тобой беседы вести не подряжался.

С виду блюдо было не особо аппетитным, хотя пахло вполне сносно. Немного поковырявшись на всякий случай в желтовато-сером месиве, Стас пришел к выводу, что состояло оно из слегка подгнившей картошки и мяса неопознанного животного. Слизнув с ложки и пережевав эту почти однородную субстанцию, он, к собственному удивлению, остался удовлетворен ее вкусовыми качествами, и через несколько секунд миска была уже пуста.

– Спасибо! – крикнул Стас через плечо, и возникшие из ниоткуда руки забрали опустевшую посуду. – А запить чем-нибудь можно? У меня и кружка есть.

Позади послышалось недовольное бубнение, звук отвинчиваемой крышки, и сверху в тару, разбрызгиваясь во все стороны, полилась вода.

– Благодарю.

Стас сделал несколько глотков и вздрогнул, расплескав остатки на покрывающий телегу брезент. Звук выстрела эхом разнесся по лесу. А за ним еще один и еще... Сразу несколько стволов ухнули, выдав раскатистый и немного растянутый залп. Обеспокоенно зафыркали лошади. А потом все стихло.

– Обоз? – спросил он через плечо, не особо рассчитывая на адекватный ответ.

– Да, обоз. Скоро будут, – ответили позади.

В голосе этого человека чувствовалось облегчение. Отсутствие звуков затяжной перестрелки говорило о положительном результате рейда.

Стас снова, морщась, принял горизонтальное положение и, закрыв глаза, стал прислушиваться. Через некоторое время впереди послышались голоса, треск веток, скрип колес и фырканье лошадей. Отряд возвращался с добычей.

– А-а! – зазвенел вопль, явно женский. – Сволочь! Пусти!

Мимо телеги со Стасом промчалась взлохмаченная девица весьма миловидной наружности, но далеко ей уйти не удалось.

– Оп! – весело крикнул кто-то позади телеги и загоготал. – Ты смотри, шустрая какая. Далеко собралась?

– Не трогай, скотина! – орала девица.

Судя по долетавшим до Стаса пыхтению и звукам ударов обо что-то мягкое, она яростно сопротивлялась.

– Папа!

Детина, изловивший крикливую особу, продолжал ржать, пытаясь справиться с отчаянно брыкающейся жертвой. Народ постепенно подтягивался к этому аттракциону. Все находились в приподнятом настроении, смеялись, делились со счастливым дельными советами по обузданию своенравной девки.

Скоро перед телегой Стаса собралась целая толпа зевак голов в двадцать. Среди этой разношерстной братии особо выделялся один человек. Его светло-бежевая кожаная куртка строгого покроя, перепоясанная черными ремнями португалии, резко контрастировала с окружающими тулупами, бушлатами и прочим гардеробом простолюдинов. Темно-синие брюки были заправлены в высокие черные сапоги. На правом боку у щеголя висела кобура с «ТТ», а левое бедро украшал кинжал в ножнах с дорогой серебряной инкрустацией. На вид этому импозантному мужчине было лет под сорок. Худощавое лицо с тонкими, но мужественными чертами обрамляла аккуратно стриженная русая борода, а голову прикрывала темно-синяя, как и брюки, пилотка. В отличие от остальной толпы человек этот оставался серьезен и наблюдал за происходящим без особого интереса, явно погруженный в собственные мысли. Он прохаживался вправо-влево, сложив руки в перчатках за спиной, и лишь изредка поглядывал в сторону объекта всеобщего внимания.

– Вы что же, твари, делаете?! – у Стаса перед носом неожиданно нарисовалась спина, обладатель которой истошно орал, тыча пальцем на детину с девкой. – Суки! Она же ребенок еще!

Орущий дядька был в одной рубахе с воротником, залитым свежей кровью из раны на затылке. Редкие волосы, подернутые сединой, слиплись и торчали словно иглы. Похоже, это был отец спесивой девицы. Он покрутил головой и зафиксировал взгляд на щеголе, судя по всему, признав в том предводителя банды.

– Останови это! – снова заорал он. – Останови!

– Не могу, – спокойно ответил предводитель и улыбнулся открытой добродушной улыбкой.

Папашка немного подергался в безысходности и замолчал. Он стоял неподвижно, стараясь не смотреть в сторону дочери, плечи его опустились. Весь он как-то осунулся, придвинулся ближе к телеге и присмирел. Оргия шла полным ходом, а он просто стоял без движения, казалось, даже не дышал.

Так продолжалось пару минут. Стас, наблюдающий за бедолагой все это время, уже решил, что тот впал в глубокую протрацию, может быть, даже лишился рассудка от пережитого стресса. О таких вещах Стас слышал, да и сам однажды был свидетелем чего-то подобного. В тот раз, года полтора назад, случилась перестрелка посреди одной деревеньки. Шальной пулей ранило в шею мальчугана на окраине. Он истек кровью, пока бежал до дома, и умер. Мать нашла своего ребенка, лежащего в пропитанной кровью пыли, и сошла с ума. Она даже не плакала, просто сидела с ним рядом, покачивалась и тихонечко выла, как собака. Так она просидела двое суток, пока ее силой не оттащили от трупа, уже начавшего разлагаться. Вскоре женщина и сама отошла в мир иной от истощения и обезвоживания.

В то время как Стас предавался сентиментальным воспоминаниям, правая рука убитого горем отца сдвинулась за спину и медленно-медленно стала приподнимать низ рубахи. Она шла выше и выше, пока не ухватила рукоять нагана, торчащего за поясом.

Стас заметил неладное, когда рука папаши уже тянула револьвер вверх. Барабан зацепился за ремень, и это дало несколько мгновений на раздумье.

Порой, в критические моменты жизни, мозг человека способен выдавать невероятные вычислительные мощности. Стимулируемое сложными биохимическими процессами серое вещество активизируется в такие моменты до предела своих возможностей. Вот и Стас смотрел на наган, медленно, словно в болезненном бреде, извлекаемый из штанов, а мозг его лихорадочно обрабатывал громадные для столь ничтожного времени объемы информации.

«Вариант один – папашка достает вольту, шмаляет в главаря, главарь подышает, банда кончает папашку. Банда без главаря не знает, что делать со мной. Я не нужен банде. Банда кончает меня. В сторону. Вариант два – папашка достает вольту, шмаляет в главаря, главарь подышает, банда кончает папашку. Находится умник, который знает, как получить за меня бабки. Меня передают заказчику, заказчик кончает меня. В сторону. Вариант три – я мешаю папашке вальнуть главаря. Главарь жив и здоров. Мне почет и уважение с последующей амнистией. Годится».

Дернувшись всем телом, не обращая внимания на приступ жгучей боли в правом боку, Стас метнулся к краю телеги и правой рукой схватил мстительного папашу за запястье, когда тот уже вынул наган из-за пояса. Лево́й рукой Стас вцепился злоумышленнику в рубаху, не давая тому развернуться, и заорал: «Пушка! У него пушка!» Точнее, хотел заорать, но на деле лишь не особо громко прохрипел, и хрип этот потонул в криках и гоготании болельщиков, активно поддерживающих своего коллегу в матче «детина против девки».

Оскорбленный отец дернулся вправо, пытаясь высвободить руку с оружием, но это ему не удалось, и Стас, увидев, как указательный палец ложится на спусковой крючок, сделал еще одну попытку.

– Пушка! Мать вашу! Уроды!

«Пушка» прозвучала еще относительно разборчиво, а вот на «уроды» ни дыхания, ни связок уже не хватило.

Папаша оказался весьма крепким мужиком, и его правая кисть с наганом, несмотря на отчаянное противодействие Стаса, принялась медленно, но неумолимо поворачиваться назад. Стас уже начал терять и без того небольшие силы, а дуло револьвера сантиметр за сантиметром приближалось к его левому плечу. И тут мозг снова заработал на полную мощность, родив мысль, гениальную в своей простоте. Стас вытянул большой палец правой руки и нажал на указательный палец папашы, пока тот еще не успел развернуть свое орудие смертоубийства.

Грохнул выстрел. Все заволкло облаком едкого сизого дыма. В ушах задребезжало. Хохот, крики, завывания мгновенно смолкли, и воцарившуюся на пару секунд тишину разорвал оглушительный дробовой залп из двух стволов. Неудавшийся мститель кувыркнулся назад, перелетел через Стаса и рухнул на землю справа от телеги, как мешок с картошкой.

Дым рассеивался, сквозь него начали проступать очертания удивленных рож. В абсолютной, гробовой тишине все смотрели на Стаса, и он на всякий случай решил поднять руки повыше. Но и второму пришествию тишины долго продержаться не удалось, его нарушил истошный девичий визг, очень быстро прерванный звуком короткого и увесистого удара.

– Посмотри, – скомандовал щеголь, указав рукой за телегу, и хлопнул по плечу стоящего рядом громилу с дымящимся обрезом двустволки в руках.

Громила на ходу перезарядил дробовик и обошел телегу сзади.

– Готов, – бесстрастно констатировал он и, немного подумав, добавил: – Вот это дырища! Охренеть.

Сзади послышался тихий и протяжный скулеж.

– А ну заткнись, падаль! – грозно пробасил кто-то и в подкрепление своих слов отвесил девице звонкого подзатыльника.

– Рупор, – позвал щеголь.

Перед носом у Стаса пробежал старый знакомый в каске.

– Слушаю, – раболепно пролепетал он, явно чувствуя за собой вину.

Щеголь молниеносно выхватил из кобуры «ТТ» и пальнул незадачливому агитатору в голову. Рупор вскрикнул, упал на колени, скрючился и замер.

Стас уже подумал, что кирдык пришел идейному русофилу, и даже немного пожалел бедолагу, но оказалось, что рано еще служить панихиду. Рупор разогнулся, сел на корточки

и трясущимися руками снял с головы каску. Он повертел ее, провел дрожащим пальцем по небольшой, оставленной чиркнувшей пулей вмятине и глазками, наполнившимися слезами вперемешку с собачьей преданностью, снизу вверх воззрился на своего хозяина.

– П-п-простите.

– Еще раз оставишь пленного без надзора – пуля прилетит точно в лоб, – процедил щеголь и застегнул кобуру. – Все по местам, возвращаемся.

Толпа быстро рассосалась. Снова заскрипели оглобли, зафыркали лошади, только разговоров слышно не было. Телега со Стасом заложила поворот на сто восемьдесят градусов, с грохотом села колесами в колею и покатила назад. Знакомые очертания изогнутых веток, переплетенных в кружева, снова поплыли над головой, хотя небо заметно потемнело, а в поредевших облаках замаячила бледная луна.

Телега мерно покачивалась, понурые рейдеры молча брели рядом, бедолага Рупор в поле зрения больше не появлялся. Стас лежал, размышляя о своих дальнейших перспективах, все чаще моргая слипающимися глазами, пока наконец не заснул.

– Э, давай, парень, подымайся, – кто-то осторожно тормозил Стаса за плечо. – Ну, вставай. Велено тебя к доктору отвести. Вставай.

Он продрал глаза и осмотрелся. Справа на Стаса пялился туповатого вида паренек с сиренево-желтым фингалом на пол-лица, слева какой-то странный тип монголоидной наружности в меховой шапке продолжал боязливо тыкать его пальцем в плечо. Вокруг было уже темно, кое-где плясали огоньки факелов, бросая золотистый свет на небольшие бревенчатые избы. На фоне темно-сиреневого неба угрюмо и величественно возвышались силуэты вековых елей.

– Да-да, встаю. Хорош тыкать, понял я уже.

– Командир приказал к доктору тебя отвести, – заладил монгол. – Доктор у нас хороший, он поможет.

– Где мы? – спросил Стас.

– База, – коротко ответил монгол.

Стасу помогли спуститься с телеги и, поддерживая с двух сторон под руки, повели к ближней избе.

Монгол постучал в дверь, слегка приоткрыл ее и просунул в щель свой короткий плоский нос.

– Лаврентий Кузьмич, мы эта... па... паца... пациента доставили. Принимай.

– Прошу, – донеслось изнутри.

Дверь открылась, и Стаса ввели в комнату, освещенную тремя керосиновыми лампами, подвешенными под потолком. Из мебели здесь было только несколько полок на стенах, небольшая, но высокая тумбочка, застеленная белой тряпкой, пара табуреток, длинная скамья, на которой стояли два ведра с водой, а посреди комнаты располагался узкий и длинный стол по пояс высотой, с вьевшимися в дерево бурыми пятнами. Рядом со столом гордым и неподвижным изваянием стоял высокий худой мужчина в халате, цвет которого чем-то неуловимо напоминал белый.

– Кладите на стол, – повелел он лишенным эмоций голосом.

– Нет-нет, – замотал головой Стас. – Если вы не возражаете, я бы сначала снял куртку с рубашкой. Не хочется вещи портить. Хорошо?

Доктор нахмурился, но все же кивнул, выражая свое высочайшее позволение.

Монгол с парнишкой помогли Стасу снять ремень, а вот повязка заставила поднапрячься. Она вместе с одеждой намертво припаялась к ране, и любая попытка отодрать ее вызывала жутчайшую боль.

– Лаврентий... – начал Стас.

- ...Кузьмич, – подсказал доктор.
- Да. Лаврентий Кузьмич, будьте добры, плесните водичкой, – попросил Стас и указал на огромное бурое пятно у себя с правого боку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Стоимость полной версии книги 59,90р. (на 05.04.2014).

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.